

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

ЗИЁДУЛЛАЕВА ХАДИЧАБОНУ ШАХМУРЗА КИЗИ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ИГРЫ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ДИССЕРТАЦИЯ

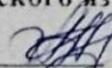
на соискание степени магистра филологии

Специальность: 5А 120102

Лингвистика (русский язык)

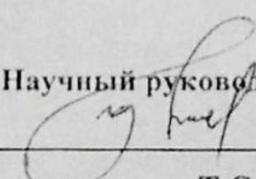
Работа рассмотрена и допускается
к защите.

Завкафедрой современного
русского языка

 Н.Э. Шакурбанова

«2» июня 2020 года

Научный руководитель

преподаватель Т.С. Узбекиков

Ташкент – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИГРЫ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	8
1.1. Феномен языковой игры: аспекты изучения	8
1.2. Различные подходы к толкованию языковой игры	12
1.3. Игра слов как разновидность языковой игры	22
Выводы по 1 главе	31
ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ИГРЫ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	32
2.1. Сходство и различия игры слов и каламбура	32
2.2. Способы образования игры слов в русском языке	35
Выводы по 2 главе	44
ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИГРЫ СЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	46
3.1. Функциональная стилистика: понятия, направления	46
3.2. Игра слов в текстах функциональных стилей	54
3.3. Сходство и различия функционирования игры слов в разговорном, художественном и публицистическом стилях	68
Выводы по 3 главе	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	84
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	86

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня во всем мире признана возрастающая роль знаний и образования – как для каждого индивидуума, так и для всего общества.

Первый Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов, выступая на открытии международной конференции «Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны» (г.Ташкент, 16 – 17 февраля 2012 года), подчеркнул: «Сегодня нет необходимости доказывать, что XXI век, по общему признанию, становится веком глобализации и стирания границ, информационно-коммуникационных технологий и Интернета, веком все более растущей конкуренции на мировом пространстве и мировом рынке. В этих условиях о себе может заявить то государство, у которого в числе основных приоритетов всегда остается рост инвестиций и вложений в человеческий капитал, подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения, являющегося в современном мире важнейшей ценностью и решающей силой в достижении целей демократического развития, модернизации и обновления» (Каримов, 2012).

Актуальность исследования. В лингвистике игра слов традиционно рассматривается как преднамеренное нарушение нормы языка или языкового стандарта в целях создания стилистического эффекта, т.е. определенной эмоциональной реакции у адресата (Гридина, 1996).

Главной актуальностью данного исследования характеризуется тем, что проблема игры слов в современном языкознании малоисследовано, а ее изучение в функционально-стилистическом аспекте является интересной проблемой.

Игра слов является лингвистическим приемом, которым пользуются люди разных профессий и уровней в своей повседневной жизни: политики, учителя, студенты, врачи, юмористы и т.д. Таким образом тема нашего исследования является актуальной. Активное изучение игры слов связано с

широким распространением этого феномена в разговорной речи, художественной литературе, рекламных текстах, языке СМИ, а также с необходимостью исследования современного состояния языка и тенденций его развития.

Актуальность работы определяется тем, что ее проблематика непосредственно связана с одним из приоритетных направлений науки о русском языке – изучением языка художественной литературы.

Степень изученности проблемы. Исследование такого сложного и многогранного явления, как игра слов, в гуманитарной науке ведется в разных аспектах: философском (С.Н.Бредихин, Л.Витгенштейн, Ф.Лиотар, Й.Хёйзинга и др.), культурологическом (М.М.Бахтин, В.Г. Костомаров, Г.Г. Молчанов и др.), психологическом (Э.Берн, Й. Хёйзинга, В.Г. Костомаров и др.) и собственно лингвистическом (Т.А.Гридина, В.З.Санников, Н.Н.Вольская, Е.А.Земская, Ю.Д.Апресян, Н.Д. Арутюнова, Б.Ю. Норман и др.).

В последние десятилетия XX – начале XXI века в лингвистике появилось много исследований, посвященных рассмотрению особенностей употребления игры слов в различных видах дискурса: разговорном (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова), художественном (О.Аксенова, Т.А. Гридина, Б.Ю. Норман, В. З. Санников, А.В. Усолкина), масс-медийном (С. В. Ильясова, Л.В. Лисоченко, О.В. Лисоченко), рекламном (Л.П. Амири). Появились статьи, посвященные вопросам употребления каламбура в политическом дискурсе (Т. Бочарова) и интернет-дискурсе (М.С. Рыжков). Так, например, А.Б. Амирова исследует каламбур как одну из причин дискурсивной субстантивации, т.е. транспозиции частей речи в имя существительное. Э.В. Мурашкина выявляет игровую природу комплимента, относит комплимент к языковой мета игре. В.В. Зирка на примере рекламных текстов показывает, что посредством языковой игры можно манипулировать сознанием потребителя.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке и описании теории игры слов на материале текстов разговорного, художественного и публицистического стилей.

В соответствии с обозначенной в работе целью были поставлены и решались следующие **задачи**:

– описать, уточнить теоретическую базу исследования, для чего определить содержание термина игра слов и каламбур, исследовать возможности реализации игры слов единицами разных уровней языка;

– Выявить разновидности игры слов в русском языке;

– Определить способы образования игры слов;

– Выявить сходства и различия функционирования игры слов в текстах различных функциональных стилей;

Объектом исследования являются игра слов в русском языке, функционирующая в различных функциональных стилях.

Предметом исследования являются языковые единицы, которые порождают игру слов.

Методы исследования:

– метод сплошной выборки языкового материала;

– описательный, включающий приемы наблюдения, сопоставления и обобщения;

– метод контекстуального анализа языковых единиц;

– метод компонентного анализа;

– метод стилистического эксперимента;

Методологической базой магистерского диссертационного исследования стали законодательные документы, а также послание Первого Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова от 16 – 17 февраля 2012 года о «Подготовке образованного и интеллектуально развитого поколения как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны» в выступлении на открытии международной конференции.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые будет осуществлено комплексное семантико-стилистическое и функционально-стилистическое исследование каламбура как явления языка и речи на материале художественного, публицистического стилей и языка СМИ:

1. Разработка критериев анализа и описания научной литературы по игре слов на основе различий в научных концепциях в понимании и определении игры слов как явления языка и речи.

2. Анализ и описание игры слов как аспекта коммуникативной лингвистики.

3. Определение, классификация и описание типов и видов игры слов на материале русской художественной и публицистической речи.

4. Впервые будут определены функционально-стилистические аспекты языковых единиц, участвующих в порождении игры слов, на основе их компонентного анализа.

5. Выявление, анализ и описание прямого и переносного значения слов- полисемантов в составе контекста каламбур, как явлений синонимии, антонимии, паронемии, омонимии.

Теоретическая значимость исследования диссертационной работы определяется тем, что наблюдения и выводы, полученные в ходе работы, будут способствовать развитию теории игры слов в лингвистической науке в целом и в художественном тексте, где игра слов предстает как одна из составляющих художественной формы, в частности.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее результатов и выводов в процессе преподавания курсов «Современный русский язык», «Стилистика русского языка», «Лингвистический анализ художественного текста». Материалы могут быть использованы в спецкурсах, спецсеминарах по вышеуказанным проблемам лингвистики в вузовском и школьном преподавании.

Апробация исследования.

Материалы магистерской диссертации были апробированы в форме выступлений на заседаниях кафедры русского языка и методики преподавания факультета русской филологии Узбекского государственного университета мировых языков.

Опубликованность результатов исследования. По теме диссертации опубликованы 2 статьи:

1.«Особенности классификации каламбуров» // Материалы Международной научной онлайн конференции «Актуальные проблемы инновационного сотрудничества в повышении качества высшего образования». Навоий 2020.

2.Каламбур как разновидность языковой игры // Материалы международной научной интернет конференции «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ». Фергана 29 апреля 2020 год.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения и списка использованной литературы. Объем диссертации 88 страниц.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИГРЫ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Феномен языковой игры: аспекты изучения

Интерес лингвистов к такой проблеме, как ludicкая функция языка, вполне обоснован, поскольку ИС относится к числу наиболее ярких приёмов, придающих речи выразительность и необычность. Именно благодаря этому она широко используется как в речи, так и на страницах произведений художественного, публицистического стилей не только ради забавы, но и как средство глубокого эстетического воздействия.

В философской, лингвокультурологической и психолингвистической литературе отмечаются различные характеристики ИС. Так, В.Е. Хализев пишет, что «игра – это... деятельность непродуктивная, не имеющая результатов, содержащая цель в себе самой. В ней выражается избыток сил и веселость духа. Для игры характерна атмосфера легкости, не озабоченности, беспечности» [Хализев URL:<http://http://lib.rus.ec/b/213084/read>]. Вероятно, эти ощущения упоения и самозабвения от игры, которые, как правило, доводится испытать в детстве, являются самыми яркими и насыщенными воспоминаниями о юных годах, ведь, как отмечает Й.Хёйзинга: «Это действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости. Настроение игры есть отрешенность и восторг – священный или просто праздничный, смотря по тому, является ли игра сакральным действием или забавой. Само действие сопровождается чувствами подъема и напряжения и несёт с собой радость и разрядку» [Хёйзинга 1992:152]. По мнению философа, вся человеческая культура возникла из игры: «Дух, формирующий язык, всякий раз перепрыгивает играючи с уровня материального на уровень мысли. За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов. Так человечество все снова и снова

творит свое выражение бытия, рядом с миром природы – свой второй, измышленный мир» [там же: 17].

При упоминании понятия «игра» (будь то даже «языковая игра»), в сознании человека возникают ассоциации с чем-то несерьёзным, шуточным, призванным развлечь и – ничего более. Но это далеко не так. По мнению некоторых исследователей, «языковую игру можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка. Играя, говорящий большое внимание обращает на форму речи, а устремленность на сообщение как таковое и есть характернейшая черта поэтической функции языка. Игровая функция языка – это один из видов поэтической функции» [Земская, Китайгородская 1983:172-173]. Языковая эксцентрика «может использоваться и как реализация эмотивной (экспрессивной) функции языка, <...> может выступать как средство «смягчения» речи, <...> может служить для более точной передачи мысли, для образной и выразительной передачи сообщения. И наконец, языковая игра может иметь изобразительный характер – служить для имитации человека, чьи слова передаёт говорящий, или для наглядного изображения ситуации говорения» [там же: 174 – 175].

Австрийский философ Людвиг Витгенштейн, который ввёл в употребление термин «языковая игра», считает её формой самой жизни. ИС в понимании мыслителя – это не шутка и не развлечение, не особый лингвистический приём. Весь язык, вся жизнь – это ИС. Любая речевая деятельность (мысли о предмете, говорение о предмете и т.д.) – это языковая игра. С.Н. Бредихин отмечает, что, «размышляя над «тайной» речевых значений, Л.Витгенштейн пришел к выводу: постоянно стоит задумываться над тем, при каких обстоятельствах мы научились применять то или иное слово, выражение, как учат фразам детей и как они их усваивают на деле» [Бредихин 2003: 18-19]. Таким образом, язык динамике: «Языковые игры мыслятся как компоненты деятельности или формы жизни, притом не менее

многообразные, чем сами жизненные практики» [там же: 26]. Все, что делает Человек – это образец языковой игры.

Вся человеческая жизнь, таким образом, совокупность языковых игр. В «Философских исследованиях» Л.Витгенштейн пишет: «Бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, наоборот, возникают новые типы языков, или, можно сказать, новые языковые игры, а старые устаревают и забываются» [Витгенштейн 1994: 90]. «Языковой игрой я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он сплетен» [Витгенштейн 1985: 79].

В энциклопедии «История философии» ИС рассматривается как «практически исчерпывающая форма бытия языка в условиях отказа культуры от жёстких дискурсов легитимации» [История философии 2002: 1344]. Культуру постмодерна в целом многие исследователи сравнивают с игрой: «Говорить – значит, бороться, в смысле играть. Этим не обязательно подразумевается, что играют для того, чтобы выиграть. Можно сделать ход из удовольствия его изобретения: что иное заложено в работе разговорной речи и литературы по выведению языка из состояния покоя? Постоянное изобретение фразеологизмов, слов и значений <...> доставляет большое наслаждение. Но, несомненно, это удовольствие не свободно от ощущения победы, вырванной, по крайней мере, у одного, но грозного соперника – общепринятого языка, его устоявшихся коннотаций. Социальные связи состоят из языковых «ходов». Языковые игры являются минимальными отношениями для существования общества» [там же: 1344-1345]. Еще великий немецкий философ Г.Гегель отмечал, что все человеческое искусство есть игра [Гегель 1988]. М. Эпштейн также называл лирику, поэзию игрой в сфере слова [Эпштейн 1988: 286], а сам человек, говорил он, есть «всего лишь игрушка» [там же: 278].

Безусловно, философы правы: в основном через язык происходит познание мира, благодаря языку мы можем ориентироваться в реальности, считая, что знаем объективную сущность вещей, тогда как на деле знаем лишь их языковые обозначения. Нельзя не вспомнить в связи с этим гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, в соответствии с которой наше восприятие мира практически полностью зависит от нашего знания языка. Многие философы-идеалисты также провозглашают первичность слова (некоей идеальной субстанции) над природой (т.е. материей). Однако данное понимание является слишком широким для лингвиста и не дает определенности в толковании языкового феномена.

В целом, на наш взгляд, столь сложное и разностороннее понятие, как юридическая функция языка, не следует сводить к простой шалости, к забаве, но не следует впадать и в другую крайность.

Необходимо отметить, что толкование ИС, помимо философского и психологического, имеет и культурологическое основание. Так, А.В. Зеленин отмечает, что подобные игровые переделки языка – это «приём карнавализации, переименования, «снижения» (и тем самым «принижения»), осмеяния высоких принципов, понятий, идей» [Зеленин 2005:90], это смешение сакрального и «нечистого», значительного и малого, черного и белого. «Этот механизм, – подчеркивает автор статьи, – был глубоко и всесторонне проанализирован М. М.Бахтиным в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья» [там же: 90], где карнавал, маскарад рассматриваются в качестве своеобразного горнила, в котором, благодаря смешению разнообразного и непохожего материала, рождаются новые формы, новые краски, новые идеи; более того, именно благодаря этому хаосу противоречий и могут появиться новые идеи, может быть преодолено любое противоречие. Многие исследователи отмечают, что карнавализация жизни неизбежно ведет к изменениям в языке: «Переломный, кризисный момент в жизни российского общества тут же был отражен

языком. Карнавализация окружающей действительности стимулировала карнавализацию языка. Персонаж карнавала, по Бахтину, несёт одновременно идею и развенчание ее: карнавализованное сознание карнавализует язык» [цит. по: Морозов 2006: 51].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что культура и социологические факторы («кризисные моменты») непосредственным образом влияют на язык, способствуют появлению новых языковых новообразований (слов, словосочетаний и т.д.), многие из которых являются ИС.

Необходимо также подчеркнуть, что культура и в некоторой степени идеология налагают ограничения на употребление определенных слов, словосочетаний, выводят их за пределы коммуникации. Как говорит Б. Ю. Норман, «какие-то части лексикона просто изымаются из употребления.

Делается вид, что соответствующих предметов не существует» [Норман 2006: 224]. Язык же находит окольные пути для обозначения подобных «предметов», использует все доступные ему средства для описания запретного, изощряясь в образности и метафоричности. На помощь приходит и ИС, которой (так как она несерьёзна, что сразу отмечается говорящим и слушающим) позволительно затрагивать и недозволенные темы – ведь невозможно слишком строго относиться к шутке. Чаще всего для таких целей используется эвфемизм (который нередко является ИС), а также многие другие виды людизмов.

1.2. Различные подходы к толкованию языковой игры

Что же, в сущности, представляет собой языковая игра? Язык с игрой сравнивал еще родоначальник структурной лингвистики Ф.де Соссюр. Он говорил, что язык подобен игре в шахматы, т.к. и для шахмат, и для языка характерны определенные правила (Гераклит же, например, уподоблял Вселенную, космос партии шашек, которую боги, по своей прихоти,

разыгрывают вместе с ничего не ведающим и неопытным младенцем). По мнению Н.Н. Вольской, языковая игра «имеет в своей основе любое нарушение правил употребления языковой или текстовой единицы» [Вольская 2006:30]. Также она считает, что «использование принципов языковой игры способно выявить самые сложные стороны авторского я» [там же: 30] Как отмечает В.З.Санников, «всякое намеренно необычное использование языка (например, для создания художественного эффекта) – это языковая игра» [Санников 2005: 3]. ИС – «это обычно языковая неправильность (или неточность), намеренно допущенная говорящим и именно так понимаемая слушающим» [Санников 1999: 26]. «К языковой игре относят те языковые факты, в которых проявляется свободное отношение к форме речи, обусловленное эстетическим заданием <...> Языковая игра чаще всего основана на балагурстве – явлении народной смеховой культуры, когда комический эффект вызывает всё необычное, перевёрнутое. Диапазон явлений языковой игры широк: выразиться необычно, развлечь окружающих, вызвать улыбку, создать шутовское настроение» [Грязнова 2014: 191].

Многие исследователи отмечают творческое начало в феномене ИС. Таково, например, мнение Т.А.Гридиной: «При осознанном нарушении языкового канона мы имеем дело с ИС как особой формой лингвокреативной деятельности, отражающей стремление говорящего к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей – при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на «опознание» реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения<...> Будучи особой формой лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу, ИС всегда нацелена на использование лингвистических приёмов, подчеркивающих парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной обработкой того или иного вида языкового знания» [Гридина 2002: 26]. «Креативность

языкового сознания <...> ярче всего демонстрирует явление языковой игры», – отмечает В.М. Грязнова [Грязнова 2014: 191]. «ИС есть сознательный языковой эксперимент (сознательно допущенная языковая неправильность), опирающийся на неканоническое использование языковых средств с целью создания остроумных высказываний. Создавая игровые высказывания, говорящий апеллирует к интеллектуальному опыту и способностям слушающего» [Гридина 1996: 37]. Лингвист делает вывод, что ИС – это явление, отклоняющееся от языковой нормы: «Языковая игра порождает иные, чем в языке и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [там же: 7]. По справедливому замечанию Б.Ю. Нормана, «языковая игра... – это объемный, сложный, многоплановый феномен. Высвобождая творческий потенциал носителя языка, языковая игра приносит ему эстетическое удовлетворение и одновременно дает выход его разрушительным и созидательным инстинктам. Кроме того, языковая игра предоставляет говорящему эффективную возможность отрегулировать отношения с собеседником и продемонстрировать всем степень своей творческой свободы» [Норман 2006: 248].

Как отмечает В.И. Шаховский, «совершенно ясно, что языковая игра не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм. Она – результат их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе» [Шаховский 2008: 367].

Ю.Д.Апресян подчеркивает, что в стилистических целях можно «совершить насилие практически над любым правилом языка, каким бы строгим оно ни было» [Апресян 1990: 54]. Подобные трансформации, считает лингвист, можно назвать экспериментом над языком – они разрушают существующие стереотипы и, с другой стороны, позволяют узнать о языковом знаке что-то новое.

Н.Д.Арутюнова считает, что людическая функция языка призвана не просто веселить и удивлять, но, прежде всего, указывать на те возможности, которые заложены в языке и могут быть использованы его носителями. Под ИС она понимает «последовательность действия отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [Арутюнова 1987: 8]. Рассматривая игру в этом ракурсе, она, подобно Ю.Д.Апресяну, называет её экспериментом, т.к. и игра, и эксперимент нацелены на поиск нового и, быть может, неожиданного, непредсказуемого: «Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный – на их пределы» [там же: 6].

В.З.Санников говорит, что для восприятия и понимания ИС необходимо, чтобы слушающий понимал, что так сказано специально, осознанно, иначе произойдет оценка высказывания как ошибки. ИС в большинстве случаев – это небольшие, но осознаваемые отклонения от нормы или даже просто некоторая необычность в употреблении тех или иных форм, значений [Санников 1999: 20-23]. «ИС – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность. Только намеренная неправильность вызовет не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего» [там же: 23]. Игра с языком – это «уже проведенный (и успешный!) лингвистический эксперимент» [там же: 36]. Языковая игра обогащает язык, ведь именно в «языковой игре, как и в поэзии, язык доходит до своих крайних пределов, более того, постоянно выходит за эти пределы, пытается их раздвинуть» [там

же: 37], поэтому относиться с пренебрежением к этому феномену недопустимо – в нём выявляются все возможности языка, все его «силы». К тому же посредством ИС человек делает все страшное и малознакомое, т.е. психологически некомфортное простым и смешным, понятным. Это становится особенно актуальным в последнее время, когда не только рекламный текст, но и обыденная речь, публицистика и художественный дискурс изобилуют необычными, «нерусскими», пугающими своей «незнакомостью» и серьёзностью словами и выражениями. Сознание ищет пути выхода из затруднительного положения и находит его в языковой игре.

Так, ироничное слово «гнус» – это интерпретация компьютерного термина GNU C (компиляторы для различных языков программирования), которое ничего не говорит обывателю (понятно лишь, что как-то связано с компьютерами), но только вызывает недоумение. Преломление слова через ИС делает его более демократичным и доступным, понятным и менее отталкивающим. Человек бессознательно ищет выход из затруднительных положений и поэтому обращается к юмору (в данном случае – к языковой игре) как к источнику, в котором черпает силы.

Исследователи отмечают, что «среди назначений идеи игры –... доведение до сознания читателей необычного многообразия инструментов языка (типов слов, предложений и др.) и способов их применения, что должно расшатать укорененное в сознании представление о том, что язык всегда работает одинаково и служит одной и той же цели» [Бредихин 2003:5].

Действительно, именно ИС позволяет экспериментировать с ресурсами, которые предоставляет язык, причем, экспериментировать творчески, не боясь запретов и норм. «За нарушением стандартов речевого общения скрываются дополнительные цели говорящего, и читатель испытывает радость того, что он эти цели разгадывает» [Норман 2006: 180].

Э.Берн, занимающийся исследованием феномена игры как таковой, считает, что игра – это способ упорядочивания бытия человека. «Игра – это

повторяющаяся раз за разом цепочка похожих друг на друга транзакций, которые внешне выглядят достаточно естественно, но содержат неявную мотивировку» [Берн 2006: 62].

Т.А. Гридина в своей работе «Языковая игра: стереотип и творчество» отмечает, что ИС строится на сознательном использовании отклоняющихся от правил явлений, на ниспровержении стандартов, приёме «переключения стереотипа восприятия» [Гридина 1996:12]. Парадоксальность, которая возникает при употреблении языкового знака в игровом контексте, выявляет новые грани его значения, расширяет сферу его функционирования.

По мнению Л.В.Лисоченко и О.В.Лисоченко, «языковая игра в силу особенностей русского менталитета всегда имела место в русской речи, в публицистическом и художественном стилях, в языке отдельных писателей, в речи героев их произведений» [Лисоченко, Лисоченко [URL:http://teneta.rinet.ru /rus/le/lisochenko_jaee.html](http://teneta.rinet.ru /rus/le/lisochenko_jaee.html)]. Авторами отмечается то, что ИС – это «особый вид речетворческой семиотической деятельности. Как и всякая игра, ИС осуществляется по правилам, к которым относится: 1) наличие участников игры – производителя и получателя речи; 2) наличие игрового материала – языковых средств, используемых производителем и воспринимаемых получателем речи; 3) наличие условий игры; 4) знакомство участников с условиями игры; 5) поведение участников, соответствующее условиям и правилам игры...» [там же].

Широко бытует мнение, что ИС – это особый род комического. Действительно, нередко она вызывает смех и создаёт шутовское настроение. Но создание комического эффекта – не единственное, к чему призвана ИС. Она может использоваться и как реализация экспрессивной функции языка, может выступать как средство смягчения речи, снятия напряжения. ИС устраняет серьёзность тона и используется тогда, когда говорящий не хочет быть скучным и однообразным, желает придать общению непринужденный характер или просто выразиться необычно, чтобы привлечь внимание

собеседника. Она служит для более тонкой передачи мысли, для образной и выразительной трактовки информации. «Языковая игра (в максимально широком понимании термина) – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [Норман 1987: 168].

«Языковая игра активизирует внимание носителей языка к языковой форме, к ее структурным элементам» [Голев 1995: 41], выдвигает подобные «элементы» на первый план; они нарочно ставятся в центр – автор добивается именно того, чтобы на них обратили внимание.

Теоретики постмодернизма отмечают, что смысл постмодернистского искусства «как особого рода представления заключается в вовлечении и автора и воспринимающего в игровую ситуацию, в длящийся процесс рассеивания смысла, ситуацию, отдаляющую от смысловой определенности.

Постмодернистский проект на уровне замысла представлял собой метафорическое облако, состоящее из намеков, аллюзий, ссылок, прямых цитат, или сложную систему кодов, создаваемую ради ироничного высказывания» [Добрицына 2004 [URL:http://fege.narod.ru/librarium/dobricina/dobricina3.htm](http://fege.narod.ru/librarium/dobricina/dobricina3.htm)]. По сути, ИС нередко и создаёт различные намеки, аллюзии, с ее помощью можно выстроить особую систему кодирования, поэтому нельзя не согласиться, что языковая эксцентрика – важный элемент искусства постмодерна.

Таким образом, мы видим, что сфера ИС – это не только сфера развлечения, шутки (как может показаться на первый взгляд). ИС – это вид творчества, это показатель освобождения сознания от стереотипов, показатель того, что культура переживает эпоху, которая не боится карнавализации и иронии. ИС – это способ придания выразительности и необычности сообщаемым фактам.

Языковая игра характеризуется как особое языковое и бытийное пространство, она помогает строить свой неповторимый мир, выразить

чувства и эмоции, причем, не прямо, а имплицитно, намеками. ИС используется не просто ради «красного словца», а для ведения глубокой беседы с читателем, для создания особого, доверительного тона.

Однако, на наш взгляд, необходимо определить круг явлений, входящих в понятие «языковая игра», поскольку существует множество средств, которые придают речи и необычность, и выразительность, помимо явления, исследуемого в настоящей работе. Необходимо также подчеркнуть, что грань между логической и чисто лингвистической нормой порой настолько тонка, что требуется очень вдумчивый и обстоятельный анализ для их разграничения (что не всегда возможно). Нельзя однозначно утверждать, что нарушение норм логики не предполагает (или предполагает) нарушение норм лингвистики. Здесь, на наш взгляд, веским аргументом должен стать формальный признак – по наличию или отсутствию «игры» с формой (внешней, внутренней) и будут выделяться случаи реализации юридической функции языка, т.е. отклонения именно от языковых норм.

В этой связи следует отметить, что художественный текст (в подавляющем большинстве случаев) является экспрессивным, воздействует на читателя, вызывает у него определенные эмоции. Но это не значит, что данный текст построен лишь на основе ИС. Если подходить строго, в тексте порой не найти ни одного приёма, основанного на применении юридической функции языка. Художественное творчество в целом мы не будем отождествлять с ИС – здесь уже налицо не «игра» с языком, а тонкая, ювелирная с ним работа, хотя многие исследователи, возможно, следуя логике Л.Витгенштейна, называют такое творчество типичным примером ИС. Но, на наш взгляд, это размывает (как и в случае, когда под ИС понималась вся реальная действительность) границы понятия, затрудняет его квалификацию и вносит некоторую путаницу. Для иллюстрации этого положения рассмотрим следующие примеры:

Я что-то часто замечаю,/ к чьему-то, видно, торжеству,/ что я рассыпанно мечтаю,/ что я растрепанно живу./ Среди совсем нестрашных с виду/ полужеланий, почувств/ щемит: неужто я не выйду,/ неужто я не получусь?/ Меня тревожит встреч напрасность,/что и ни сердцу, ни уму,/ и та не праздничность, а праздность,/ в моем гостящая дому [Евтушенко1989:34];

Давайте поплачем по плачам,/ По плакальщицам на Руси [там же:17];

Страх гласности –/ еще от крепостничества,/ где главный мозг –/ под палкой мозг спинной,/ и от замены/царского величества/ чуть не на «Ваше социалистичество...»[там же: с.23];

Как они до удивления бойки – / Перестройщики перестройки! [там же: 24];

Это их магазины,/ где ты приодеться не пробуй,/где не платья – проклятья,/ не обувь, а гробувь [там же: 42];

Но поддельное Прошлое не любит,/ когда в него входит/ настоящее Настоящее [там же: 73];

Поэт – издалека заводит речь./ Поэта – далеко заводит речь [Цветаева 1984:70];

Так писем не ждут,/ Так ждут письма [там же: 69].

Здесь мы отчетливо видим приёмы, основанные на ИС, они умело вплетены в структуру произведений и придают им экспрессивность. Но нельзя согласиться, что в целом эти стихотворения являют собой ИС, скорее, это иной вид творчества. Эти примеры также показывают, что ИС призвана не только развлекать, забавлять – она может удивлять, ошеломлять, служить средством эстетического воздействия на читателя, слушателя (т.е. может восхищать красотой, изящностью и лаконичностью формы, а также собственно смысловым наполнением). В этих примерах налицо «игровые» атрибуты: намеренное, сознательное использование языковой единицы в необычной форме или в необычном контексте, «ломка» стереотипных представлений и экспрессивность. Без этого не обходится ни один приём ИС,

на основе этих характеристик и происходит выделение ИС из массы художественных средств.

В целом мы можем сделать вывод, что ИС – это одно из интереснейших явлений в лингвистике, благодаря «игре» с формой и значением можно выявить скрытые потенции языка. ИС дает человеку возможность саморепрезентации, она придает мысли свежесть, а языковой форме – сжатость, лаконичность и необычайную меткость. Под «игровую» маску можно спрятать чересчур серьезный или даже оскорбительный смысл – тогда эти смыслы предстанут в ином виде, их воздействующая сила на адресата будет намного выше.

Таким образом, нельзя считать, что людическая функция – это «языковая игрушка», применяемая ради развлечения или забавы. ИС позволяет по-новому взглянуть на привычные, ставшие нормой явления, обратить внимание на человека, создателя и носителя языка. Поэтому данный феномен требует тщательного рассмотрения и детального анализа, без допущения мысли о том, что серьезного и научного в нём ничего нет.

На основе анализа существующих трактовок языковой игры мы предлагаем следующее определение данного понятия: ИС – это одна из форм семиотической лингвокреативной деятельности особого типа языковой личности (*Homo Ludens*), проявляющаяся в намеренно необычном использовании языковых средств в определенном типе дискурса; это сознательное нарушение языковых и коммуникативных норм с какой-либо прагматической целью. Языковая эксцентрика – это результат оригинального и нестандартного использования экспрессивно маркированных языковых средств в определенном дискурсе, отражающий стремление *Homo Ludens* к экспликации собственной компетенции в реализации потенциальных возможностей языка. Игра нацелена на соответствующую ответную реакцию со стороны адресата – распознавание, понимание, декодирование, без которых она будет воспринята как банальная ошибка.

1.3. Игра слов как разновидность языковой игры

Язык – это организованная структура символов, в которой применяются его собственные правила и законы. Слова, которые мы используем в речи в соответствии с законами языка, отражают процесс мышления человека и общества в целом. Система символов человеческого языка имеет относительную стабильность, язык передается из поколения в поколение устно или письменно. Он не принадлежит ни одному из носителей языка, хотя каждый обладает им; язык – это продукт социальной договоренности.

Феномен игры изучался учеными с разных точек зрения. Философы рассматривают игру как продукт общества: игра – это элемент культуры, посредством которого происходит социализация личности (Г. Спенсер, В. Вундт, Дж. Хейзинга и др.). Игра кажется неким символом, моделью особого поведения и нестандартным отношением к происходящему. Термин «игра» относится к различным явлениям, иногда слегка сходным, которые изучаются в философии, психологии, педагогике и даже физиологии.

Частным видом игры, проявляющейся в речевой деятельности, выступает языковая игра (далее – ИС).

Понятие языковой игры было введено австрийским философом Л. Витгенштейном, который называл ИС любой вид деятельности, связанный с языком. В его толковании языковая игра предстает как «...целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [Витгенштейн 2004: 79]. ИС в понимании мыслителя – это не шутка и не развлечение, не особый лингвистический приём. Весь язык, вся жизнь – это ИС. С.Н. Бредихин отмечает, что, «размышляя над «тайной» речевых значений, Л.Витгенштейн пришел к выводу: постоянно стоит задумываться над тем, при каких обстоятельствах мы научились применять то или иное слово, выражение, как учат фразам детей и как они их усваивают на деле». [Бредихин 2003:17].

Безусловно, философы правы: в основном через язык происходит познание мира, благодаря языку мы можем ориентироваться в реальности, считая, что знаем объективную сущность вещей, тогда как на деле знаем лишь их языковые обозначения. Нельзя не вспомнить в связи с этим гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, в соответствии с которой наше восприятие мира практически полностью зависит от нашего знания языка. Многие философы-идеалисты также провозглашают первичность слова (некоей идеальной субстанции) над природой (т.е. материей).

Интерес лингвистов к языковой игре вполне обоснован, поскольку она относится к числу наиболее ярких приёмов, придающих речи выразительность и необычность. Именно благодаря этому она широко используется как в речи, так и на страницах произведений художественного, публицистического стилей.

Термин «языковая игра» в современной науке получил двойное толкование: первое – широкое, философское (вслед за автором), второе – узкое, собственно лингвистическое (особый вид речевой деятельности, связанный с осознанным нарушением норм). Явление языковой игры стало предметом пристального внимания лингвистов только в конце XX века. Очевидно, это было связано с тем, что языковая игра вышла за рамки художественной литературы и разговорной речи и стала широко распространенной в рекламе, СМИ, языке политиков и юристов. Это, в свою очередь, связано с процессами демократизации общества, что не могло не отразиться и на языке.

Трактовка ИС неоднозначна. Разные авторы вкладывают в этот термин подчас не вполне одинаковое содержание.

Многие исследователи отмечают творческое начало в феномене ИС. Так, Т.А. Гридина связывает ИС с креативной речедеятельностной активностью языковой личности. «При осознанном нарушении языкового канона мы имеем дело с ИС как особой формой лингвокреативной

деятельности, отражающей стремление (интенцию) говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей – при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на «опознание» реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения. Эти правила «выводимы» только при опоре на языковой стереотип, опрокидывание которого и составляет парадокс восприятия соответствующей тактики (приема, сценария и т.п.) ИС. Будучи особой формой лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу, ИС всегда нацелена на использование лингвистических приемов, подчеркивающих парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной обработкой того или иного вида языкового знания» [Гридина, 1996].

Авторы монографии «Русская разговорная речь» Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова считают, что ИС «можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка чаще всего в виде установки на комический эффект» [Земская, 1993]. Такое понимание ИС оценивается иногда как слишком широкое. Под это определение может подпадать вся художественная литература, поскольку нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности.

Широкое распространение получила точка зрения В.З. Санникова: «Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность), осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность. Только намеренная неправильность вызовет не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего» [Санников, 2002].

Схожее определение дает автор статьи «Языковая игра» в «Стилистическом энциклопедическом словаре» Н.В. Данилевская: «Языковая игра – определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [Кожина, 2006].

Иной точки зрения на ИС придерживается В.И. Шаховский, который считает, что ИС является отклонением от определенных правил, но в пределах нормы: «На настоящий момент совершенно ясно, что языковая игра не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм. Она – результат их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе» [Шаховский, 2008].

По мнению Н.Н. Вольской, языковая игра имеет в своей основе любое нарушение правил употребления языковой или текстовой единицы. Использование принципов языковой игры способно выявить самые сложные стороны авторского я [Вольская, 2006].

По справедливому замечанию Б.Ю. Нормана, «языковая игра – это объемный, сложный, многоплановый феномен. Высвобождая творческий потенциал носителя языка, языковая игра приносит ему эстетическое удовлетворение и одновременно дает выход его разрушительным и созидательным инстинктам. Кроме того, языковая игра предоставляет говорящему эффективную возможность отрегулировать отношения с собеседником и продемонстрировать всем степень своей творческой свободы» [Норман, 2006].

Ю.Д.Апресян подчеркивает, что в стилистических целях можно «совершить насилие практически над любым правилом языка, каким бы строгим оно ни было» [Апресян, 2000:71]. Подобные трансформации, считает лингвист, можно назвать экспериментом над языком – они разрушают существующие стереотипы и, с другой стороны, позволяют узнать о языковом знаке что-то новое. Говоря другими словами, ludic (игровая) функция языка призвана не просто веселить и удивлять, но, прежде всего, указывать на те возможности, которые заложены в языке и могут быть использованы его носителями.

Н.Д.Арутюнова под ИС понимает «последовательность действий отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве». [Арутюнова, 2000:89]. Рассматривая игру в этом ракурсе, ученый называет ИС экспериментом, т.к. и игра, и эксперимент нацелены на поиск нового и, быть может, неожиданного, непредсказуемого: удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный – на их пределы.

Языковая игра обогащает язык, ведь именно в языковой игре, как и в поэзии, язык доходит до своих крайних пределов, более того, постоянно выходит за эти пределы, пытается их раздвинуть, поэтому относиться с пренебрежением к этому феномену недопустимо – в нём выявляются все возможности языка, все его «силы». К тому же посредством ИС человек делает все страшное и малознакомое, т.е. психологически некомфортное простым и смешным, понятным. Это становится особенно актуальным в последнее время, когда не только рекламный текст, но и быденная речь, публицистика и художественный дискурс изобилуют необычными, «нерусскими», пугающими своей «незнакомостью» и серьёзностью словами и выражениями. Сознание ищет пути выхода из затруднительного положения

и находит его в языковой игре. Действительно, именно ИС позволяет экспериментировать с ресурсами, которые предоставляет язык, причем, экспериментировать творчески, не боясь запретов и норм. «За нарушением стандартов речевого общения скрываются дополнительные цели говорящего, и читатель испытывает радость того, что он эти цели разгадывает» [Норман, 2006:44]. Э.Берн, занимающийся исследованием феномена игры как таковой, считает, что игра – это способ упорядочивания бытия человека. «Игра – это повторяющаяся раз за разом цепочка похожих друг на друга транзакций, которые внешне выглядят достаточно естественно, но содержат неявную мотивировку» [Берн, 2006:31]. По мнению Л.В.Лисоченко и О.В.Лисоченко, языковая игра в силу особенностей русского менталитета всегда имела место в русской речи, в публицистическом и художественном стилях, в языке отдельных писателей, в речи героев их произведений [Лисоченко О.В., Лисоченко Л.В. 2000:42]. Авторами отмечается то, что ИС – это особый вид речетворческой деятельности. Как и всякая игра, она осуществляется по правилам, к которым относятся: 1) наличие участников игры – производителя и получателя речи; 2) наличие игрового материала – языковых средств, используемых производителем и воспринимаемых получателем речи; 3) наличие условий игры; 4) знакомство участников с условиями игры; 5) поведение участников, соответствующее условиям и правилам игры [Там же. – С.44].

Широко бытует мнение, что ИС – это особый род комического. Действительно, нередко она вызывает смех и создаёт шутовское настроение. Но создание комического эффекта – не единственное, к чему призвана ИС. Она может использоваться и как реализация экспрессивной функции языка, может выступать как средство смягчения речи, снятия напряжения. ИС устраняет серьёзность тона и используется тогда, когда говорящий не хочет быть скучным и однообразным, желает придать общению непринужденный характер или просто выразиться необычно, чтобы привлечь внимание

собеседника. Она служит для более тонкой передачи мысли, для образной и выразительной трактовки информации. Языковая игра активизирует внимание носителей языка к языковой форме, к ее структурным элементам, выдвигает подобные «элементы» на первый план; они нарочно ставятся в центр – автор добивается именно того, чтобы на них обратили внимание [Русский язык конца XX столетия, 2006:91]. ИС нередко создаёт различные намеки, аллюзии, с ее помощью можно выстроить особую систему кодирования.

Таким образом, ИС – это вид творчества, показатель освобождения сознания от стереотипов, того, что культура переживает эпоху, которая не боится карнавализации и иронии. ИС – это способ придания выразительности и необычности сообщаемым фактам. Языковая игра характеризуется как особое языковое и бытийное пространство, она помогает строить свой неповторимый мир, выражать чувства и эмоции, причем, не прямо, а имплицитно, намеками. ИС используется не просто ради «красного словца», а для ведения глубокой беседы с читателем, для создания особого, доверительного тона.

Однако, на наш взгляд, следует помнить, что существует множество средств, которые придают речи и необычность, и выразительность, помимо явления ИС.

Изучение трудов русских и зарубежных лингвистов, объектом которых стала языковая игра, показало, что наряду с различными определениями языковой игры предлагаются и альтернативные термины: «речевая игра», «игровая стилистика», «игровая поэтика». Такие же термины, как «игра слов» и «каламбур», используются как синонимы друг друга и языковой игры, что, по нашему мнению, является неоправданным.

Мы установили, что в германистике существует четкая дифференциация между языковой игрой и игрой слов. К игре слов относится игра с омонимами, паронимами, полисемантами, а также игра, основанная на

использовании таких свойств слов, как расчленяемость, способность к нестандартным сочетаниям.

А это означает что каламбур и игра слов являются подвидами данного феномена, что и мы должны рассмотреть в нашей диссертационной работе.

Феномен игры слов уже в течение нескольких десятилетий привлекает внимание ученых и лингвистов. Но не смотря на все исследование лингвистов до сих пор нет единства в определении сущности рассматриваемого явления.

Игра слов, иначе говоря каламбур – это стилистический оборот речи или миниатюра определенного автора, основанные на комическом использовании одинакового звучащих слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова или словосочетания.

Происхождение слова каламбур "calembour" не выяснено до конца.

Существует лишь ряд предположений. Некоторые исследователи и историки выдвигают следующие версии:

От французского слова "calembour", от которого произошли русское "каламбур" и немецкое "Kalauer", на что указывают лексикографические источники обоих языков. Существует множество версий. Так, например, С.Влахов и С.Флорин свидетельствуют, что слово "каламбур" происходит по имени графа (по другим источникам барона) Калемберга, речь которого на французском языке, по мнению двора Людовика XV, была настолько непонятна и, следовательно, двусмысленна, что "французы жестоко отомстили барону, исковеркав его фамилию и завещав в таком виде поколениям"

По другой версии появление "каламбура" обязано имени комического лица в немецких повестях, аббата Caleraberg а, характерной особенностью речи которого являлись каламбуры.

Одна из историко-литературных гипотез указывает на то, что первоосновой слова "каламбур" стало каламбуровое дерево, название которого использовал в своей песне аббат Шерье. По свидетельству жившего в XVIII веке французского драматурга Фюзелье, аббат обычно не принимал участия в застольных песнопениях, устраивавшихся главным сборщиком податей. Однажды, поддавшись требованию гостей, он все-таки сочинил и спел песню, первые две строфы которой в переводе с французского означали: "будем плакать в сей день о каламбуровом дереве ...". Все присутствовавшие знали, что орлиное дерево (каламбур - старинное название), привозимое из Индии для изготовления четок, считалось ценной древесиной редкой породы. Почему аббат Шерье вспомнил именно о нем - неизвестно. Историки указывают только на то, что отсутствие у аббата голоса и абсурдные слова песни вызвали всеобщий смех.

Однако, несмотря на неясность происхождения слова каламбур, современные лексикографические источники определяют его, за исключением частных случаев, примерно одинаково: игра слов, основанная на нарочитой или невольной двусмысленности, порожденной омонимией или сходством звучания, которые вызывают комический эффект.

Выводы по главе 1

В лингвистике под ИС понимается всякое намеренно необычное использование языковых средств, сознательное нарушение языковых и коммуникативных норм с определенной прагматической целью. ИС – это 30 результат оригинального и нестандартного использования языковых средств в определенном эмотивном дискурсе.

ИС исследуется в лингвистике в разных аспектах: философском (С.Н.Бредихин, Л. Витгенштейн, Ф. Лиотар, Й. Хёйзинга); культурологическом (А.В. Зеленин, Г.Г. Молчанова, В.Г. Костомаров, З.Х. Бижева, В.Г. Борботько, Т.И. Вендина, К.С. Ахаминова и др.), психологическом (Й. Хёйзинга, Э. Берн и др), а также собственно лингвистическом (Т.А.Гридина, В.З.Санников, Н.Н.Вольская, Е.А.Земская, Ю.Д.Апресян, Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, О.А. Аксенова, Э.М. Береговская, И.Е. Берлянд, Э.Берн, Е.Ф. Болдарева, Н.Н. Вольская, Е.М. Галкина-Федорук, Б.Ю. Норман, Г.Г. Молчанова, Г.В. Матвеева, С.Н. Бредихин, В.В. Одинцов, И.А. Скоропанова, В.Вельш, В.Э. Морозов, W. Sobkowiak, D.Crystal и др).

ИС – это сознательное нарушение каких-либо правил и принципов системы, совершаемое с определенной прагматической целью, нацеленное на то, что воспринимающий субъект распознает это отступление и сможет правильно его дешифровать.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ИГРЫ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Сходство и различия игры слов и каламбура.

Стилистические приемы «каламбур» и «игра слов» традиционно считают полностью синонимичными понятиями. Подтверждение этому мы находим в толковых словарях русского языка В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, Д.Н. Ушакова, СИ. Ожегова, в Литературном энциклопедическом словаре, в словаре современного русского литературного языка и других. Большинство исследователей: А.А. Щербина, В.В. Виноградов, В.С. Виноградов, В.Я. Пропп, У.А. Земская, В.Н. Вакуров, А.Л. Слонимский, В.З. Санников, Л.И. Шоцкая, Э.Г. Колесникова, А.Ю. Шашурина и другие не видят различия между рассматриваемыми стилистическими приемами. Более того, определение одного понятия часто оформляется через другое или им даются сходные определения, например, в Словаре русского языка 1981 года мы находим: «Игра слов - остроумная шутка, основанная на использовании одного слова вместо другого или на подмене одного значения другим значением того же слова; каламбур».

Каламбур - остроумная шутка, основанная на использовании слов сходных по звучанию, но различных по значению или на использовании разных значений одного и того же слова; игра слов».

У научного сообщества нет единой точки зрения на вопрос, стоит ли разграничивать понятия «каламбур» и «игра слов». Некоторые исследователи утверждают, что каламбур и игра слов – это понятия разного объема, и данные стилистические приемы находятся в родовидовых отношениях.

Другие исследователи определяют каламбур и игру слов как стилистические приемы, находящиеся в родовидовых отношениях. Здесь также нет согласия во мнениях. С одной стороны, каламбур рассматривают как разновидность игры слов. С. Влахов и С. Флорин придают последнему понятию более широкое значение. На их взгляд «каламбур – это вид игры

слов». [Влахов, Флорин 1977, с.359]. С другой стороны, наоборот, лингвистический феномен «игры слов» считают вариантом стилистического приема «каламбур». Каламбур является более широким понятием, чем игра слов, так как последняя, по мнению А.С. Джамунова [Джамунов 1997, с.14]: «предполагает наличие пары слов, например омонимов, взаимодействие которых и является основой для обыгрывания. Что же касается собственно каламбура, то он может строиться не только на словах, но, например, на переосмыслении фразеологизма». Автор, опираясь исключительно на словесное оформление термина, полагает, что уже в самом названии «игра слов» содержится установка на то, что словосочетания в этой игре использованы быть не могут. На основе данного предположения делается вывод о том, что игра слов является одной из разновидностей каламбура. Однако если следовать логике самого автора, то в названии данного стилистического приема говорится об игре слов, а не об обыгрывании значения одного слова. Название данной языковой формы не определяет и не ограничивает количество слов, используемых при игре и способ их связи между собой. Следовательно, при построении игры слов могут быть использованы и словосочетания и целые предложения.

Многие ученые, однако, не находят нужным разграничивать эти понятия и считают их синонимичными. Такой точки зрения придерживается множество исследователей, что подтверждается рядом определений:

«Каламбур – остроумное выражение, шутка, основанные на использовании сходно звучащих, но различных по значению слов или разных значений одного слова; игра слов» [Ефремова].

«Каламбур – игра слов, использование разных значений одного и того же слова (или двух сходно звучащих слов) с целью произвести комическое впечатление» [Ушаков].

«Каламбур — сознательная игра слов, построенная на возможности их двоякого понимания» [Маслов].

«Каламбур – игра слов, по двусмыслию их, двойному значению» [Даль].

Как я уже говорила существует два подхода в изучении данных феноменов. При первом оба явления рассматриваются как синонимичные, при втором - автономные стилистические приемы. Разными учеными выдвигаются различные критерии, на основании которых "игра слов" и "каламбур" отождествляются либо разграничиваются, но не существует единой точки зрения по этому поводу.

Мы не видим существенных различий между этими понятиями, что бы различить игру слов и каламбур друг от друга попытаемся проанализировать сходства и различия которые находятся между ними.

Анализ сходств и различий между игрой слов и каламбуром

Игра слов	Каламбур
I. Основаны на:	
<ul style="list-style-type: none"> • обыгрывании разных значений полисемантов • обыгрывании паронимов 	
<ul style="list-style-type: none"> • обыгрывании омонимов 	<ul style="list-style-type: none"> • обыгрывании ФЕ • смысловом объединении в тексте псевдосинонимов и псевдоантонимов • окказиональном преобразовании слов
II. Осуществляются:	
В разных репликах диалогического единства	В одной реплике диалогического единства
III. Семантическую основу составляют:	
столкновение двух планов содержания в одном плане	образование третьего плана содержания на основе первого и

выражения	второго планов содержания
-----------	---------------------------

Мы проанализировав различие и сходство этих двух феноменов пришли к выводу и решили разделить мнение тех исследователей, которые признают каламбур и игру слов равнозначными понятиями. Это отождествление, которое подтверждают словари Даля, Ушакова, Ожегова и Шведовой, Фасмера, Молоткова, Ефремовой, Словарь лингвистических терминов Ахмановой, с нашей точки зрения, логически полностью оправданно, поскольку сочетание игра слов вошло в научный оборот и бытовую речь как наиболее точный, буквальный перевод иностранного слова каламбур.

Каламбур (= игра слов) входит как гипоним в понятие языковая игра (ИС), охватывающее не только лексический состав языка, но и другие его уровни: фонетический, словообразовательный, морфологический, синтаксический. Как синонимы сочетания языковая игра в некоторых исследовательских работах используются термины речевая игра, игровая стилистика, игровая поэтика, представляющиеся менее удачными.

2.2.Способы образования игры слов в русском языке

Арсенал языковых средств, используемых для создания игры слов, очень велик.

Рассмотрим классификации каламбуров, предлагаемые различными учеными.

В. З. Санников выделяет три главных смысловых вида игры слов:

1. Каламбур «соседи». Этот тип каламбура практически не дает приращения смысла, обычно он представляет собой простое объединение созвучных или схожих по смыслу слов.

2. Каламбур «маска» подразумевает внезапное столкновение смыслов обыгрываемых слов или фраз, при котором происходит резкая смена одного понимания на другое.

Такой каламбур работает благодаря эффекту обманутого ожидания: когда знакомое явление внезапно оказывается ошибочным или абсурдным; либо наоборот – что-то необычное и абсурдное становится привычным и объяснимым.

3. Каламбур «семья» совмещает в себе признаки рассмотренных выше двух категорий. Происходит внезапное столкновение смыслов (как в категории «маска»), но оба значения сосуществуют друг с другом. К этой группе относятся различные трансформации фразеологических единиц (ФЕ), пословиц и поговорок, известных цитат и крылатых выражений, поскольку понимание таких трансформаций подразумевает знание их прообразов.

С.Н.Влахов и С.В.Флорин выдвигают свою классификацию, основанную на внутренней структуре каламбура. Они утверждают, что каламбуры могут быть построены:

1) на фонетической основе. При этом звуковая сторона каламбура преобладает над семантикой;

2) на лексической основе. Это каламбуры, основанные на обыгрывании основных лексических категорий:

2.1 многозначных слов,

2.2 омонимов,

2.3 антонимов,

2.4 терминов,

2.5 имен собственных, и т.д.;

3) на фразеологической основе. Это каламбуры, основанные на обыгрывании отдельных элементов фразеологических выражений.

Поскольку на фонетическом уровне звуковая сторона каламбура зачастую слишком очевидно преобладает над смысловой, Влахов и Флорин часто говорят только двух типов каламбура: лексических и фразеологических.

Рассмотрим более подробно особенности предлагаемых ими категорий.

Для начала обратимся к разновидностям *лексических каламбуров*.

1. Полисемантические каламбуры С.Н.Влахов и С.В.Флорин разграничивают омонимичную и полисемантическую игру слов: полисемантический каламбур предполагает, что между значениями слова существует семантическая связь. Каламбуры, относящиеся к этому типу, возможно, самые многочисленные и типичные. С.Н. Влахов и С.В. Флорин приводят следующий пример: «Рубрика зарубежного юмора в «Крокодиле» носит название «Улыбки разных широт». Комический эффект каламбура основан на полисемии слова «широта». Однако, подчеркивают авторы, основой для каламбура зачастую служат не полисемантические слова в прямом смысле, а единицы, имеющие один и тот же корень. Смысловые различия между однокоренными словами бывают намного больше, чем между разными значениями многозначного слова. Но даже простое расхождение значений таких слов может породить каламбур. В качестве примера они приводят следующий отрывок из повести Л. Кассиля «Далеко в море»: «Рассказывает кок: «как волну вскинет да прихватит *морозом*, так она в один момент горой и застывает. Смеются моряки: «–Ай да кок, вот уж действительно *сморозил!*»

2. Омонимичные каламбуры

В омонимичном каламбуре семантическая связь между двумя значениями отсутствует или не прослеживается, и автор ее теми или иными средствами создает или восстанавливает. Пример омонимичного каламбура: «Даже на свежем воздухе нет того свежего воздуха. Сейчас всюду этот — как он называется? – *смог*... Вдохнул, сколько *смог*, и на том спасибо...».

Многие каламбуры основаны на паронимии – это явление на первый взгляд сходно с омонимией, однако существенно от нее отличается.

Паронимы – это слова, схожие по звучанию, лексико-грамматической принадлежности и родству корней, но имеющие разное значение. Паронимия часто лежит в основе так называемой «детской», или «мнимой», этимологии, на которой зачастую строятся каламбуры. Пример такой детской этимологии можно найти у Л.Кэрлла: «От перца, верно, начинают всем перечить. От уксуса–куксятся, от горчицы–огорчаются, от лука–лукавят, от вина–винятся, а от сдобы–добрют. Как жалко, что никто об этом не знает... Все было бы так просто. Ели бы сдобу–и добрели!».

3. Антонимичные каламбуры

Нередко встречается игра слов, построенная на противопоставлении.

С.Н. Влахов и С.В. Флорин приводят следующие примеры:

«Многие американцы *сложили* головы в джунглях Меконга. Многие *подняли* их, бросив вызов «грязной войне».

«Одним агрессия навеки *закрывает* глаза, другим — *открывает* на жизнь...»

4. Каламбуры на основе терминов

С.Н. Влахов и С.В. Флорин подчеркивают, что многие термины создаются на основе слов общего языка, что приводит к смешению терминологических значений с общеязыковыми, а также дает возможность их комического обыгрывания.

5. Каламбуры на основе имен собственных

Так называемые говорящие (значащие, смысловые) имена – довольно многочисленная группа каламбуров. По мнению С.Н. Влахова и С.В.Флорина, почти каждое значащее имя собственное может обладать потенциалом для построения каламбура.

В данной диссертационной работе мы согласно классификации, предложенной С.Н.Влаховым и С.В. Флориным, будем делить исследуемые

каламбуров на лексические и фразеологические. Основываясь на классификациях С.Н.Влахова, С.В.Флорина, лексические каламбуры мы разделим на следующие категории:

1. Значимые имена собственные
2. Полисемантические слова
3. Созвучия слов в узком контексте
4. Омонимы и омофоны
5. Вымышленные слова

Перейдем теперь к рассмотрению каламбуров фразеологического типа.

Многие ученые, например, Н.М.Шанский, В.В.Виноградов и В.Л.Архангельский как основной признак фразеологических оборотов выделяют устойчивость, которая проявляется на разных уровнях языка: лексическом (неизменность состава), морфологическом (невозможность образования отдельных грамматических форм) и синтаксическом (нельзя изменить порядок слов). Поэтому вполне логично, что любые нарушения норм употребления фразеологических оборотов мгновенно привлекают внимание читателя. Модификации и преобразования устойчивых выражений – крайне экспрессивные приемы, помогающие автору придать тексту выразительности и добиться комического эффекта.

Как утверждает Л.А.Сазонова, сама возможность трансформаций фразеологических единиц (ФЕ) с образованием каламбуров «заложена в лингвистической природе устойчивых словосочетаний и зависит от их основных свойств: раздельности, оформленности, воспроизводимости, устойчивости».

Нужно отметить, что существуют различные точки зрения на вопрос о том, какие языковые единицы можно считать фразеологическими. Так, к примеру, для Н.Н.Амосовой характерно довольно узкое понимание объема фразеологии. Однако, преобладает сейчас более широкий подход к этому вопросу. Исходя из такого подхода, объектом фразеологии являются все

устойчивые сочетания слов с осложненным значением. Нижней границей фразеологизма при этом являются фразовые глаголы – то есть двуслойные образования, в которых один из компонентов может быть служебным словом. Верхняя граница фразеологизма при таком подходе – это сложное предложение.

Преобразования фразеологизмов являются прекрасным примером теории нарушения ожиданий: поскольку мы хорошо знакомы с оригинальной формой того или иного выражения, а также нам известно, что обычно форма устоявшегося выражения не меняется, то малейшие ее нарушения сразу обращают на себя внимание, а как только мы распознаем эти аномалии как безобидные нарушения, следует реакция в виде смеха. Такая реакция широко известна, поэтому фразеологические каламбуры весьма многочисленны, и авторы охотно пользуются этим экспрессивным средством.

Рассмотрим теперь способы преобразования устойчивых выражений более подробно. Е.Б.Наумов выделяет следующую особенность «расширения» фразеологизма: использование не всего фразеологизма, а только его содержания, или образа. В таких случаях писатели используют лишь несколько компонентов фразеологизма, однако для того, чтобы читатель смог верно понять контекст и правильно оценить его стилистику, необходимо иметь в виду фразеологический оборот в целом.

По мнению К.Д. Приходько, трансформации, посредством которых образуются фразеологические каламбуры, представляют собой разрушение формы или содержания оригинальных ФЕ, причем читатель параллельно воспринимает как фразеологическое значение устойчивых выражений, так и прямое значение составных элементов. Такое параллельное восприятие называют «двойная актуализация».

Таким образом, характерными чертами фразеологического каламбура являются двуплановость его восприятия и рождение комического эффекта, обычно вызванного эффектом нарушенных ожиданий.

Существует множество приемов обыгрывания ФЕ, которые зачастую сводятся к двум типам преобразований:

1) деформация – то есть изменение внешней формы, структуры, компонентов ФЕ;

2) модификация – то есть изменение внутренней формы, семантики ФЕ.

Рассмотрим классификацию трансформаций ФЕ, предлагаемую Л. А.Сазоновой. Основным отличительным признаком, по которому все типы трансформаций делятся на две группы, является наличие или отсутствие изменения внешней формы ФЕ.

1. Внешняя форма выражения не меняется. Изменения происходят только в сфере семантики, не затрагивая структуру выражения, то есть состав, количество и порядок элементов. Такие преобразования Л.А.Сазонова предлагает называть внутренними, или семантическими.

Как подчеркивает Л.А.Сазонова, сущность семантических трансформаций в том, что «автор при помощи контекста членит устойчивое словосочетание на отдельные компоненты и актуализирует семантику какого-нибудь отдельного или каждого слова, составляющего словосочетание.

В результате создается двойственность восприятия устойчивого выражения как неделимого целого и как свободного сочетания слов одновременно.

Это влечет за собой возникновение широких смысловых ассоциаций».

А чем более непредсказуемы ассоциации, тем сильнее эффект обманутого ожидания, а следовательно, и комический эффект.

В качестве примера приведем цитату из романа «Золотой теленок»: «Я, конечно, не херувим. У меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость». Устойчивое выражение «*это моя слабость*» имеет значение привычки, склонности, своеобразной прихоти, от которой нет желания отказаться. В данном случае внешняя форма ФЕ не меняется, однако,

семантика выражения вступает в противоречие с контекстом (уважение и соблюдение Уголовного кодекса – явно благое дело, которое никак не может быть чьей-то слабостью), что и порождает комический эффект.

2. Внешняя форма устойчивого выражения меняется. Поскольку модификация внешней формы всегда приводит к изменению смысловой составляющей, данные приемы преобразования устойчивых выражений целесообразно называть внешними, или структурно-семантическими трансформациями. Все внешние трансформации можно разделить на два вида исходя из способа нарушения структуры устойчивого словосочетания:

а) трансформации замены, подразумевающие изменение компонентного состава ФЕ путем замены одного или нескольких компонентов переменными элементами.

В качестве примера обратимся вновь к творчеству И.Ильфа и Е.Петрова: «Они рассчитаны на птичьи мозги, на тяжело думность крупного рогатого человечества, на верблюжью неприхотливость». Авторы заменили последний компонент устойчивого словосочетания «крупный рогатый скот» на не связанное с ним по смыслу, но определяемое контекстом слово «человечество». Несмотря на замену, исходная форма устойчивого словосочетания легко восстанавливается читателем. Параллельное восприятие двух слоев реальности создает необычный юмористический образ.

б) трансформации вклинивания, подразумевающие отклонение от обычного количества компонентов. Рассмотрим пример из романа «Двенадцать стульев»: «Прощайте, любители сильных шахматных ощущений!»

В данном каламбуре в устойчивое выражение «любитель сильных ощущений» вводится дополнительный элемент. Прилагательное «шахматный» уточняет специфику «сильных ощущений» (этой фразой Остап Бендер заканчивает сеанс одновременной игры в городе Васюки). В итоге

получается необычная комбинация слов, которые обыкновенно не сочетаются, и словосочетание приобретает два противоположных значения.

С одной стороны, сильные ощущения – это риск, экстрим и опасность.

С другой стороны, шахматы считаются спокойной взвешенной неторопливой игрой. Таким образом, каламбур возникает при добавлении дополнительного элемента, порождающего эффект неожиданности, ведь именно нарушение норм словоупотребления и вызывает комический эффект.

Выводы по 2 главе

В современной лингвистике существуют различные подходы к толкованию термина «языковая игра», равно как и отношений между языковой игрой и языковыми и речевыми нормами. Большинство лингвистов сходится на том, что языковая игра является разновидностью лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на достижение определенного эффекта. При этом языковая игра не должна восприниматься как речевая ошибка, а желаемый эффект будет достигнут только при условии, что слушающий / читающий готов к адекватному восприятию языковой игры, что, в свою очередь, зависит от уровня языковой компетенции говорящего.

В целом мы можем сделать вывод, что ИС – это одно из интереснейших явлений в лингвистике, благодаря «игре» с формой и значением можно выявить скрытые потенции языка. ИС дает человеку возможность саморепрезентации, она придает мысли свежесть, а языковой форме – сжатость, лаконичность и необычайную меткость. Под «игровую» маску можно спрятать чересчур серьезный или даже оскорбительный смысл – тогда эти смыслы предстанут в ином виде, их воздействующая сила на адресата будет намного выше.

2. Игра слов многофункциональна. Среди основных этих функций исследователи выделяют развлекательную, экспрессивную, оценочную и манипулятивную.

3. Как отмечает большинство исследователей, самой важной функцией является развлекательная. Действительно, нередко игра слов вызывает смех и создаёт шутовское настроение. Она может использоваться и как реализация экспрессивной функции языка, может выступать как средство смягчения речи, снятия напряжения. ИС устраняет серьезность тона и используется тогда, когда говорящий не хочет быть скучным и однообразным, желает придать общению непринужденный характер или просто выразиться

необычно, чтобы привлечь внимание собеседника. Она служит для более тонкой передачи мысли, для образной и выразительной трактовки информации. Языковая игра активизирует внимание носителей языка к языковой форме, к ее структурным элементам, выдвигает подобные «элементы» на первый план; они нарочно ставятся в центр – автор добивается именно того, чтобы на них обратили внимание.

4. Многофункциональность игры слов и ее ориентация на достижение определенного эффекта обуславливает широкое употребление этого феномена в различных видах дискурса.

5. Арсенал языковых средств, используемых для создания игры слов, очень велик.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИГРЫ СЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

3.1. Функциональная стилистика: понятия, направления

Функциональные стили речи являются полем функционирования языковой игры, так как она используется во всех типах текстов как устной, так и письменной формы.

Объем использования языковой игры (как выше уже было отмечено) в каждом из функциональных стилей речи имеет свои особенности. Это объясняется тем, что, например, в разговорной речи, художественной литературе и в публицистических текстах у языковой игры большое поле деятельности, так как в них при наличии своих лингвистических и экстралингвистических особенностей, отсутствуют лингво-социо-употребительные категоричные запреты. Например: 1) в разговорном стиле; 2) в художественном стиле; 3) в публицистическом стиле. В научном и официально-деловом стилях наоборот – лингво-социо-употребительные запреты категоричны.

Эти функциональные стилевые категоричные запреты серьезно сокращают функциональное поле языковой игры в этих стилях. А их присутствие носит специфический характер, не нарушающий основы стиля, а сама языковая игра в них, как правило, легко доступна для индивида и социума, работающих в этих общественных сферах деятельности. Например: 1) в научном стиле; 2) в официально-деловом стиле.

Существуют различные классификации стилистики как языковедческой науки, которые имеют больше сходств, так как объект исследования у ученых один – стилистические функции языковой единицы в языке и речи, но при этом, наблюдаются и существенные различия.

Традиционно во многих работах выделяют следующие направления стилистики: стилистика строя языка (языковых единиц), иначе – аналитическая, или «стилистика ресурсов» или уровневая стилистика,

функциональная стилистика, стилистика художественной речи (или «языка художественной литературы»), стилистика текста и практическая стилистика [см.: СЭС, 2011].

Функциональная стилистика – «это дисциплина теоретического плана, изучающая функциональную сторону языка, еще недостаточно исследованную в лингвистике» [Кожина, 2011, с. 7]. Исследование языка в его функциональных стилях является актуальным и приоритетным направлением в лингвистике, характеризующее особенности специальной речи в подязыке той или иной науки.

Функциональная стилистика стремится изучить, в какие системные отношения входят языковые средства при функционировании языка в зависимости от типичных и традиционных, прежде всего, социально актуальных, сфер общения. Она пытается определить также, какие языковые единицы при этом наиболее часто используются и как они организуются в потоке речи при создании текстов функциональных стилей. Иначе говоря, каковы принципы отбора и сочетания языковых средств и в результате – какова речевая организация [Кожина, 2011, с. 87].

Наиболее традиционным направлением стилистики, изучающее стилистические ресурсы языка является, стилистика ресурсов. Кожина М.Н. о стилистике ресурсов пишет: «Это своего рода описательная, иначе аналитическая, или структурная, стилистика, характеризующая стилистически окрашенные средства языка, выразительные возможности и семантико-функциональные оттенки слов, форм, конструкций, а также так называемые средства словесной образности. Один из центральных аспектов этой науки – стилистическая синонимия языка (на разных уровнях языковой системы). Некоторые лингвисты придают этому направлению лишь служебную роль» [Кожина, 2011, с. 37], что не совсем так. Стилистика ресурсов (уровневая стилистика) выделяет стилистические особенности языковой единицы (стилистическая окраска и т.п.), что реализуется в речи (в

тексте) и выполняет динамическую стилистическую функцию и этим самым является основной стилистической базой для создания стилевых особенностей каждого функционального стиля.

Стилистика художественной литературы.

Язык художественной литературы изучает своеобразие функционирования языка в сфере художественной литературы (в художественных текстах) [см. СЭС, 2011].

«Вопрос о стилевом статусе художественной речи (не синонимичный термин – «язык художественной литературы» — см.) среди функциональных стилей считается дискуссионным. Имеются две точки зрения: 1) правомерность выделения среди функциональных стилей Х. с. р.; 2) категорическое неприятие такой точки зрения. Первое положение разделяют В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, И.Р. Гальперин, Б.Н. Головин, Э.Г. Ризель, К.А. Долинин, М.Н. Кожина, О.Б. Сиротинина, Й. Мистрик, К. Гаузенблас, М. Елинек и мн. др. Второе – Л.Ю. Максимов, А.К. Панфилов, Н.А. Мещерский, Д.Н. Шмелев, В.Д. Бондалетов и др.» [см.: СЭС, 2011, с. 594].

В стилистике художественной речи много внимания уделяется влиянию контекста (макро контекста всего художественного произведения и микро контекста непосредственного словесного, в рамках одного-двух абзацев, окружения) на возникновение различных коннотаций (дополнительных смыслов, часто эмоционально, экспрессивно окрашенных) у отдельных слов, словосочетаний, фразеологизмов. В книге «Проблема авторства и теория стилей» В.В. Виноградов особо отмечает: «К семантической композиции литературного произведения относится принцип или прием насыщения слова и выражений разнообразными смысловыми излучениями, которые в соответствии с ситуацией приобретают функцию неожиданных указателей вех или путей развития сюжета» [Виноградов, 1961, с. 14].

Практическая стилистика.

Прикладным аспектом функциональной стилистики занимается практическая стилистика. Этот аспект не составляет особого направления науки (в точном смысле слова). Его задача – обучение нормам того или иного функционального стиля, умению строить связный текст любого стиля. Первоначально практическая стилистика не имела четкой теоретической основы и не отделялась от ортологии (наука о правильной речи – то, что изучает современная культура речи). Современная практическая стилистика – это учебная дисциплина, которая изучает стилистические нормы употребления средств языка во всех функциональных стилях [Воронцова, 2009, с. 21]. Практическая стилистика имеет большое значение как в образовательном (школа, вуз), так и в целом, как аспект стилистики, формирующий и повышающий стилистическую грамотность населения. Поэтому функции и поле деятельности практической стилистики ограничивается школой, вузом и т.п., так как в современном обществе, когда литературный язык является объединяющим средством всех говорящих и пишущих на этом языке, то каждый индивид и социум прибегают к помощи практической стилистики и во внеклассных и во внеаудиторных условиях.

Виноградов В.В. выделяет функциональные стили по основным функциям языка: общение, сообщение и воздействие. Исходя из этого он классифицирует стили на обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения), публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия) [см.: Виноградов, 1963]. Кожина Н.М. считает, что «такое соотнесение стилей с основными функциями языка целесообразно, однако оно не может быть положено в основу классификации, так как той или иной функции соответствует сразу два или несколько различных стилей, тем самым игнорируются дифференциальные признаки отдельных стилей [Кожина, 1977, с. 38].

Несмотря на то, научный и публицистический стили, как стили книжного характера, они могут функционировать не только в письменной форме, но и в устной форме (например: лекция, доклад, выступления и др.), в форме дискуссии, дебатов. Человек и общество выбирают стиль общения в зависимости от целей и сферы употребления языка, следовательно, речь оформляется по-разному, так как являются разными функциональными стилями.

В каждом речевом стиле можно использовать языковые средства в зависимости от темы, содержания, поведения, характера, уровня грамотности и т.д. собеседников и др.

В.В.Виноградов допускал возможность различного выделения функциональных стилей в зависимости от разных оснований. «При выделении таких важнейших функций языка, как общение, сообщение и воздействие, могли бы быть в общем плане структуры языка разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой; официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» «...внутренняя дифференциация языковых стилей может и не опираться на различие функций языка (общение, сообщение, воздействие) или на выделение тех или иных разновидностей коммуникативной функции...Ведь в слове *функциональный* заключен двойной смысл. Оно может указывать и на связь с разными функциями языка или с теми или иными разновидностями коммуникативной функции, и на функциональное разграничение сфер употребления этих стилей» [Виноградов, 1981].

Каждый из функциональных стилей речи имеет свою специфику, зависящую не только от семантико-стилистических особенностей языковых единиц, но и от особенностей функционирования в социальных сферах индивида и общества (официально-деловая, научная, СМИ, художественная, бытовая). Совокупность этих лингвистических и экстралингвистических

факторов (свойств, особенностей) и формируют каждый отдельный социальный функциональный стиль. В связи с этим языковая игра и по содержанию, и по набору языковых единиц адаптируется к особенностям каждого функционального стиля, т.е. языковая игра, как правило создается и функционирует в тексте с «приобретенными» конкретными функционально-стилевыми качествами, нормативно вписывающими ее в контекст того или иного социального функционального стиля. Так, например, выражение *«ничего на зеркало пенять, коль рожа крива»* в зависимости от окружающего его функционально-стилевого контекста может приобретать или научно-стилевую, официально-стилевую и т.д. значимость и выполнять функции языковой игры с разными функционально-стилевыми оттенками с привнесением разговорно-бытового, художественно-образного.

Сферу публицистической деятельности обслуживает публицистический стиль. Публицистический стиль имеет существенные отличия от научного и официально-делового стилей, как в плане лингвистических, так и в плане экстралингвистических факторов. Он используется для обращения к массе людей, для привлечения их внимания, для рекламирования идей предметов и т.д.

Сферу художественной деятельности обслуживает художественный стиль или стилистика языка художественной литературы

Специалисты дискутируют об отношении данного функционального стиля в систему функциональных стилей. Одни ученые утверждают, что художественный стиль должен быть среди 4-х функциональных стилей [Адмони, 1979; Храпченко, 1983; и др.].

Особенность языка художественной литературы составляют: 1) единство коммуникативной и эстетической функций, 2) проницаемость и много стильность, 3) широкое использование изобразительно-выразительных средств, 4) проявление творческой индивидуальности автора и т.д. [Розенталь, 1987, с. 60].

Сферу быта и неофициальной обстановки обслуживает разговорно-бытовой стиль. Разговорный стиль – это разновидность не книжного стиля, в отличие от официально-делового, художественного, научного и публицистического. Он употребляется в устной форме, но может быть представленным и в письменной форме как отражено фрагментно в разговорной других книжных функциональных стилях.

Термин разговорный стиль понимается двояко. С одной стороны, он употребляется для обозначения степени литературности речи и включается в ряд: высокий (книжный) стиль – средний (нейтральный) стиль – сниженный (разговорный) стиль. Такое подразделение удобно для описания лексики и применяется в виде соответствующих помет в словарях (слова нейтрального стиля даются без пометы). С другой стороны, этим же термином обозначается одна из функциональных разновидностей литературного языка [Розенталь, 1987, с. 62].

Как и художественный стиль, разговорный стиль противопоставляется научному и официально-деловому. Ему не характерно длительное и тщательное обдумывание, выбор языковых средств, а напротив спонтанность речи, ее эмоциональность, активность, которая проявляется в большом использовании глагольных форм и местоимений. Элементы разговорного стиля часто используются как в художественных текстах, так и в публицистических: в репликах, диалогах героев для демонстрации разговорно-бытовой ситуации речи, с соответствующими языковыми единицами и т.д.

Для разговорного (или разговорно-бытового) функционального стиля характерны, прежде всего, проницаемость (незамкнутость), образность, нестандартность, спонтанность, непринужденность. Речь свободная, индивидуально-авторская, т.е. участники общения всегда слышат и видят как языковые, так и другие особенности друг друга, так как общение осуществляется прежде всего при непосредственном участии говорящего и

слушающего: он характеризуется использованием языковых единиц как нейтрального, так и разговорного, и высокого (книжного) характера. В нем преобладают разговорно-бытовые, просторечные, диалектные и т.п. единицы языка. Разговорный стиль – универсальное поле для функционирования языковой игры. Многие образцы языковой игры впервые зарождаются и функционируют в разговорном стиле и потом переносятся в художественный и публицистический стили уже авторами произведений. Разговорный стиль, также, как и художественный и публицистический не имеет ограничений для использования образцов языковой игры в различных интерпретациях, вариантах и вариациях.

Все языковые средства каждого стиля определяются не только через специальную лексику и построение предложения, а также количеством использования частей речи в каждом из образцов функциональных стилей. Например, согласно данным Частотного словаря русского языка существительное является более употребительным для публицистического и научного стилей, глагол для художественного и разговорного стилей, прилагательное для научного и публицистического, наречие для художественного, числительное для публицистического, местоимение для разговорного и художественного, союзы для художественного и научного, предлоги приблизительно с одинаковой частотой употребляются в каждом из функциональных стилей [см. Частотный словарь русского языка, 1977].

Таким образом, функциональные стили являются полем реализации языка-речевой деятельности человека, что подразделяет человеческое общение на сферы деятельности: научная деятельность, публицистическая, официально-деловая, художественная и разговорно-бытовая. В пространстве этих стилей активно используются образцы языковой игры. Разговорный, публицистический и художественный стили являются плодородной почвой для создания и реализации языковой игры. В официально-деловом и научном стилях, в чистом виде использование языковой игры низкочастотно. В этих

функциональных стилях примеры языковой игры, возможно, встречаются на материале образцов смешанных стилей. Например: научный стиль с вкраплениями или публицистического, или художественного, или разговорного стилей и т.д.

3.2. Игра слов в текстах функциональных стилей

Использование ИС в различных типах дискурса может иметь разные цели. Во-первых, с помощью языковой игры (особенно, если считать, что несомненный и главный ее атрибут – шутливость) можно дискредитировать описываемое, снизить его; однако не следует считать, что целью в данном случае всегда будет являться демонстрация негативного отношения к тому, о чем говорится (хотя, возможно и это). Сюда можно отнести дружелюбное подтрунивание и подшучивание, которые допустимы только при достаточно большой степени взаимопонимания и привязанности и не вызывают чувства обиды:

– Вчера на рыбалке мы столько рыбы наловили! Еще и змею нечаянно подцепили.

– Ага, только не змею, а змия.

– Какого змия, в смысле?!

– Ну как – зеленого змия! *

Во-вторых, данный лингвистический приём позволяет выявлять тончайшие грани смыслов. У субъекта, которому удалась подобная «игра», возникает чувство удовлетворенности собой, самолюбования (пусть даже бессознательно), от подобной игры как создающий ее, так и воспринимающий получают эстетическое удовольствие [Норман 2006, Санников 1999, Земская 1983], что вполне естественно, так как сострить – непростая задача. Для этого требуется приложение некоторых умственных усилий.

На улице шел дождь и два студента. Один шел домой, другой в тапочках. Он шел спать, но прошел мимо [<http://topkvadrat.ru/jokes>];

В ВУЗ не дуем [«Уральские пельмени», эфир от 19.04.2014г];

ДОМ ДРУЖБЫ ЗАКРЫТ НА УЖИН. Потом Крокодил Гена подумал немного и добавил: И ДО УТРА [Успенский «Крокодил Гена и его друзья»].

Навести порядок на лице и в кровати! Срочно! [Библиотека пародии и юмора 1993: 13].

В-третьих, «языковая игра – один из путей обогащения языка» [Санников 1999: 26], она пополняет его новыми формами и значениями, развивает речь, мышление. Нередко случается так, что найденное слово, выражение закрепляется как необычный способ выражения мысли («кысь», «скунс мордюк», «обликом морале», «вышло по еёному», «люди! Человеки!» и т.д.).

В-четвертых, ИС имеет маскировочную функцию, она позволяет обойти запреты, которые накладываются культурой, менталитетом, идеологией, политикой. Говорящий будто бы прячется за язык. Как правило, маскируется нечто неприличное, запрещенное или тривиальное (о чем всем надоело слышать, но что является несомненной истиной, например: «Ну вот опять в политику пришла Женщина с Косой», «Так кричал на митингах, что аж охр... Ну да, совсем охрип», «Они постоянно спрашивают, ШО У нас там...Да шо бачете!»).

В-пятых, ИС (чаще с шутливым оттенком) как бы заранее оправдывает человека, которому принадлежит высказывание, даже если это высказывание странно и необычно: Дождались продолжения любимого всеми школьниками страны сериала «Садись». Итак, встречайте: «Садись 2». Начало проката – сентябрь каждого года [[http:// babyBlog.ru](http://babyBlog.ru)];

Художественный стиль речи – это стиль художественной литературы, выполняющий образно-познавательную и эстетическую функции [Ефимов 1952, 1961]. Художественной литературе свойственно образное

представление жизни, в отличие от объективного отражения действительности в научной речи [Розенталь 1976, Введенская 2004, Головин 1983, Голуб 2004, Десяева 2008 и др.]. В художественном произведении автор передаёт свой личный опыт, свое мироощущение и мировоззрение.

Язык художественной литературы экспрессивен, метафоричен и многопланов. В художественном дискурсе автор создаёт свой стиль – яркий и выразительный, для этого он использует все богатства языка, все возможности, которые предоставляет языковая система. Неудивительно поэтому, что ИС нередко применяется в художественном стиле, ведь именно этот приём является одним из ярких средств выражения экспрессии и образности. С помощью ИС передаётся субъективная оценка автора произведения, ярко очерчиваются образы.

В отличие от банальных ошибок, – это сознательное нарушение каких-либо правил и принципов системы, нацеленное на то, что воспринимающий субъект распознает это отступление и сможет правильно его дешифровать. Ошибки, как правило, допускаются из-за незнания правил и не нацелены на достижение определенного коммуникативно-прагматического эффекта. Как отмечает Н.В. Данилевская, «в отличие от речевых ошибок ИС строится благодаря знанию системных языковых связей и владению стилистическими закономерностями употребления единиц языка, а также учету жанровой специфики речи производства. ИС имеет двойную направленность: это языковое и собственно речевое явление, ибо для реализации ИС первостепенное значение имеет умение творчески нарушить (перестроить) усвоенные модели стандартного употребления языка» [Социологический энциклопедический словарь 2000: 657–658]

Говоря о произведениях современного периода, нельзя не отметить, что в них ИС начала применяться гораздо интенсивнее, чем в произведениях XX века, что говорит о демократизации языка и обусловленной этим субъективации, карнавализации речи. Языковая игра – несомненный атрибут

всеобщей демократизации, либерализации и даже некоторой профанации речи, её освобождения от строгих запретов как цензуры, так порой и, собственно, логики. Немаловажную роль в приобретении языковой игрой особой функциональной активности сыграл постмодернизм, который привел к не ограниченной практически ничем свободе творчества, позволяя смешивать понятия высокого и низкого, прекрасного и безобразного, что обусловило появление странных и привлекающих внимание образований, в том числе и языковых. Причём, язык (у постмодернистов) лишь подчеркивает странность этих новообразований, но не сглаживает впечатление от них. Игра делает текст ярким и запоминающимся, а его язык – немного «нездешним», привнесённым извне. Всё сказанное в полной мере можно отнести к произведениям таких писателей и поэтов, как В. Пелевин, А.и Б. Стругацкие, Б. А. Левин, Д. Пригов, Вен. Ерофеев, Т. Толстая, В. Сорокин и др. Так, Татьяна Толстая для игры привлекает единицы всех ярусов языка – от фонетики до синтаксиса. Для нее характерно необычное использование языка, нарушающее существующие нормы и стереотипы (например: «Складские работники накладывают тулумбасов по шее [Толстая 2007: 14], В этот день всем бабам почет и уважение как есть они Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая всех уважать [там же: 111]). Игры со словом многочисленны в её произведениях (аллитерация, ассонанс, различного рода повторы). Отметим самые яркие примеры языковой игры в романе Т. Толстой. Это, по-нашему мнению, авторские неологизмы, созданные по оригинальному образцу с помощью соединения нескольких лексических единиц, основ, морфологических формантов.

Посредством ИС автор высмеивает все отрицательное, она служит ярким средством выражения авторской иронии и сарказма. В стихах современного поэта Александра Левина ИС занимает особое место – она является основным приёмом его творчества и помогает донести до нас мысль

об эклектичности и сумбурности этого мира, а также служит важным средством передачи дополнительных денотативных и коннотативных смыслов: «Мы будем улетатели/ в далекие кусты,/ мы будем приседатели/ на толстые цветы./Летите к нам, порхахали,/ любить нас и ласкать,/ах, славные, ах, милые!»/ любабочка поёт [Левин 2010 <http://www.levin.rinet.ru/>];

Для ИС используют различные приёмы, однако самым распространенным является ироничное цитирование, переходящее в пародирование. Интертекст, пастиш и всевозможные аллюзии буквально пронизывают произведения (достаточно вспомнить роман В.Ерофеева «Москва-Петушки»). Как отмечает В. Руднев, «в сущности, постмодернистская филология есть не что иное, как утонченный поиск цитат и интертекстов» [Руднев 1999:225]. Заимствованный материал меняется, нередко употребляется в непривычном окружении. Многие цитаты вовсе не уместны в том контексте, в котором их применяют герои, авторы нарочно идут на допущение такого несоответствия, ведь подобная языковая игра как нельзя лучше раскрывает ситуацию и характеры. Авторы дают понять, каким смыслом наполняют персонажи окружающее их бытийное пространство.

Что мне вас учить. Думаете, мне сочинять легко? Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды ,ага... Это он ради нас так изводится [там же: 23, 70]. Как видим, в текст «добавляется» фрагмент произведения В. Маяковского (герои, однако, не знают, кому принадлежит авторство), причем, делается это с явной иронией, что видно из переключки слов «изводит» - «изводится».

Нельзя все же утверждать, что постмодернистское произведение – это простой, случайный и не связанный между собой набор цитат, что постмодерн потому и использует цитаты, что не может сам создать ничего нового и оригинального. Напротив, в подобном цитировании создаётся уникальный и неповторимый мир с новым кодом, по форме напоминающим старый, но наполненный совершенно новым смыслом, для разгадывания

которого не подойдут «ключи» прежней семантики: «Подход постмодернизма по сути своей не равнозначен призыву к эклектичному цитированию и использованию легко заменяемых декораций. Напротив, требуется, чтобы отдельные единицы-слова не звучали подобно словесным обрывкам, но наглядно представляли логику и специфические возможности того или иного используемого языка. Только тогда выполняется постмодерный критерий многоязычия, а в противном же случае мы получим неорганизованный хаос» [Вельш 1999: 121].

Если в художественном стиле и тем более в научном на употребление ИС накладываются определенные ограничения, то в публицистическом их практически нет. Публицистический стиль – это функциональный стиль статей, очерков, репортажей, интервью, ораторской речи, стиль газет, различных журналов, а также телевидения и некоторых Интернет-сайтов, носящих информационно-просветительский характер

Как отмечается, лексика этого стиля имеет выраженную экспрессивную окраску, порой включает в себя просторечные элементы [Кохтев 1987, Крысин 2007 и др.]. Языковая игра – это излюбленный приём данного стиля, особенно часто ее используют в заголовках. Цель языковой игры здесь – привлечение внимания слушающего и читающего. Например, с помощью омонимов, паронимов и других лингвистических (фонетических, графических, лексических, стилистических) средств создаются каламбуры и остроты, значительно повышающие выразительность текста:

За прекрасный пол! Наш паркет будет долго радовать Вас! [«7 дней», октябрь 2010].

Спасите ваши уши! [«Караван», сентябрь 2010].

Иванов зашел в райотдел, но тут же понял: нет, это не рай... [«Аргументы и факты», октябрь 2012].

Читать не вредно. Вредно не читать [«Кабардино-Балкарская правда», сентябрь 2011].

Внутренняя болезнь органов внутренних дел [«Аргументы и факты», август 2011].

Как правило, даже врачи соглашаются: само лечение опасно для Вашего здоровья [«Аргументы и факты», июль 2011].

А сегодня состоится премьера для жены премьера [«Аргументы и факты», октябрь 2010].

Ребенок – чудо или чудовище? [«Жизнь», февраль 2010].

Гонор без гонорара [«Жизнь», январь 2011].

Лягу на топчан [о Джеке Чане, «Жизнь», сентябрь 2010. Новый Виток отношений [о Дени Де Вито, «Жизнь», июнь 2010].

Любовный Паркур [об А. Курниковой, «Жизнь», май 2009].

И не Бибилай [о Джастине Бибере, «COOL», сентябрь 2012]. Чулпан или пропал [о Чулпан Хаматовой, «Жизнь», октябрь 2012].

Лепота! [о Г. Лепсе, «Караван», август 2010].

Позвала за собой [об А. Пугачевой, «Жизнь», сентябрь 2011].

Как видно из приведенных примеров, нередко для ИС используются и омофоны, причем, могут сочетаться не только созвучные русские слова, но также и русские слова с иностранными, произношение которых совпадает.

Грипп в России – это состояние или SOS-тояние? [«Караван», август 2012].

Баю-баю-баю-bye-bye! [bye-bye – англ. «пока», «Караван», сентябрь 2011].

Look (англ. «смотри», которое соотносится с русским словом – названием растения) и чесНОк [«Караван», март 2012].

СиДи и смотри новые фильмы в отличном качестве! [«Жизнь», февраль 20007].

Sho-w Вас там было на гипнозе? Новая программа, где мы узнаем, о чем Вы думаете на самом деле [«Караван», сентябрь 2012].

Достаточно распространено в СМИ игровое обращение к прецедентным текстам (или к каким-либо значимым общественным событиям, а также персоналиям):

Газету мне, газету! [перифразированный вариант строчки из «Горя от ума», «Российская газета», ноябрь 2011).

Бедный Юрик! (об отставке мэра Москвы Ю. Лужкова, используется строка из «Гамлета», «АиФ», декабрь 2011).

Представляем вам новый джип. Джип Широкий (намек на название джипа – Grand Cherokee, «АиФ», октябрь 2012).

Круги сада (проблемы, связанные с устройством детей в детский сад, уподобляются адским кругам, «Новости» «Первый Канал», эфир от 24.09.2013г.).

Для того чтобы данный вид ИС был адекватно интерпретирован реципиентом, необходим общий фоновый запас знаний автора и воспринимающего, который позволит коммуникации пройти успешно, в противном случае ИС потеряет свой прагматический потенциал и не будет воспринята как таковая. В качестве базы для «людизмов» нередко используется и контаминация: Он предложил быстро переименоваться в ООО и прихватизировать все акции (сочетаются два слова – «прихватить» и «приватизация» – «Московский Комсомолец», сентябрь 2008).

Юлия Тимошенко (соединяются фамилия политического деятеля Украины «Тимошенко» и слово с отрицательной коннотацией «мошенница» - «Московский комсомолец», август 2010).

Часто в СМИ можно наблюдать такое явление, как сознательное нарушение прагматически заданных предписаний, презумпций, а также нарушение логической однородности перечисления:

Все люди как люди. Готовят с маслом. А мы – с любовью (нарушаются правила логического сочетания – «Жизнь», сентябрь 2010).

Он никогда не любил завтрак в постель, предпочитая ему завтрак в тарелку (как и в предыдущем примере, нарушен закон логической однородности перечисления – «Караван», апрель 2009).

Баррикады майдана заваливаются мешками с песком, покрышками и ополченцами [«Новости НТВ», эфир от 09.03.2014].

Устойчивые фразеологические единицы, пословицы, поговорки также нередко подвергаются людическому переосмыслению: Он не захотел ударить в грязь юридическим лицом [«Аргументы и факты», ноябрь 2011].

Наличие столь большого количества примеров ИС в СМИ объясняется, в первую очередь, стремлением к экспрессии речи. На наш взгляд, это также можно объяснить всеобщей демократизацией общества и, соответственно, речи. Самое главное для автора публицистического дискурса (статьи, 81 репортажа, Интернет-заметки) – это обратить внимание читателя/слушателя. ИС, как ни один другой лингвистический приём, способствует этому. Примененные в заголовке, каламбуры, игры слов привлекают внимание читателя и могут гарантировать то, что воспринимающий субъект заинтересуется содержанием данных работ. ИС – это характерная черта современных СМИ, получившая распространение не только в газетах и журналах, но также и на телевидении, радиовещании, на различного рода информационно-просветительских сайтах.

Таким образом, анализ языка современных СМИ говорит о том, что в них широкое распространение получила ИС.

Языковая игра как своеобразный лингвистический приём используется во всех жанрах литературы, встречается практически в каждом тексте – от рекламного слогана до романа признанного мастера (особенно искусства постмодерна). Она выполняет разнообразные функции, вносит оживление, порой служит интеллектуальной «загвоздкой» для читателя. В разговорно-бытовом стиле речи с помощью ИС говорящий чаще всего показывает, что у него веселый настрой (и он желал бы этим настроением поделиться с

окружающими), что он хочет развеселить своего собеседника, показать, насколько хорошо владеет языком (хвастовство и доля самолюбования), или же активизировать его мыслительную деятельность.

Особо изящные, сложные, а порой и изощренные примеры ИС можно встретить, например, в произведениях А.Пушкина, А.и Б. Стругацких, Вен. Ерофеева, С.Довлатова, Т.Толстой и многих других. Однако игра в художественном тексте – явление не столь удивительное явление, от подобных текстов всегда ждешь чего-то необычного и новаторского. У писателя есть время, чтобы обдумать свою фразу, оформить её, устранив все лишнее и обременяющее. Совсем другое дело – живая разговорная речь и общение в Интернет. Коммуникантам важно содержание, а не форма, им нужно увидеть сиюминутную реакцию собеседника, времени на долгие паузы и раздумывания, на «изящные» ответы просто нет. Можно сказать, что общение в чате представляет собой имитацию живой непринужденной речи (особенно на уровне конструкций предложения), где вместо интонации и мимики используются знаки препинания, различные значки, символы, схемы, картинки, фотографии и т.д. Разговорный субстрат не только проник в чат, он практически вытеснил стандарт книжной речи, кодифицированного языка, который сейчас и в художественной литературе стал «терять» свой былой авторитет – писатели уже не относятся к языковой норме столь уважительно, как например, в советское время, позволяя себе различные фривольности. Но если в художественной литературе подобная ИС может являться показателем утраты веры в былые идеалы, то в разговорной речи и в чате – это, скорее, желание выделиться из огромного числа общающихся или же простая неграмотность, языковое невежество, слепое следование моде.

Часто в Интернет можно встретить пародийное обыгрывание штампов и канцеляризмов:

«Имею честь отрапортовать, шта предок ваш ближайший благапалучна прибыли-с в столицу». В предложении слова шта и благапалучна также пародируют некое произношение, о котором знают только общающиеся.

« По возвра—а—а—щении *ик(!)* домой я самым тща... Не! Ща... Щатель... Ик! Щательным образом». Посредством ИС общающийся сам высмеивает свое состояние и приглашает участников коммуникации также вместе с ним посмеяться.

Чаще же всего используется трансформация формы литературных слов, нарушается их сочетаемость. Слова при этом делаются смешными, их как будто бы мямлят: Осинь-на кушать хочица! Не нужен мне этот дрыщ! Похвастаюся пред вами – взяли меня Не выпендрёвывайся больно уж Ну ваще они дают. Ваще ташусь! Ваще!!!

Встречаются и необычные сокращения: ВПРОС (вопрос), НЕХНИАСКИЙ (нехристианский), БТЛКА (бутылка). В целях ускорения общения используется и знак вместо слова: Этим ? (вопросом) займуся потом. Расставляю все ... (точки) над і. Не забудь поделиться \$.

Интересны и случаи включения смайликов непосредственно в текст: «Да у меня все : --)) хор—о !!!!!!! суха как в танке. Или банке!!! Во!!!!!!!» Языковой игрой является множественное использование восклицательного знака, но вот является ли ею значок? Он связан со структурой высказывания, но не может быть назван языковым элементом. Смайлик может использоваться и самостоятельно, обозначая целые предложения или просто выражая эмоцию. Вряд ли следует рассматривать его как ИС, это своего рода пиктограмма или же так называемый иконотекст, т.е. текст, в котором присутствуют элементы зрительного ряда восприятия.

Частым явлением оказывается и использование иностранных слов в контексте, где они вовсе не являются необходимыми. Пишутся они как латиницей, так и кириллицей: Сорри, что бужу так рано. Хэлло всем друзьям и подругам. Я точно знаю. Dasisgood. Все хор :-)) Дасыс гут.

Случаи использования ИС в живой разговорной речи, так же, как и в чате, не являются столь редкими, несмотря даже на то, что времени на обдумывание ответов практически нет – общающимся важна последовательность разговора, которая может прерваться при длительном отсутствии реакции. Разговор – это общение «здесь и сейчас», именно данный фактор и накладывает ограничение на использование языковой игры.

87 Но даже при наличии такого ограничения языковая эксцентрика встречается в ткани текста. Очень часто бывает так, что это уже готовые к воспроизведению формы – отрывки из прецедентных текстов, коими стали и рекламные ролики, и телесериалы, и телешоу:

Сколько же ты яблочек-то насобирал?! Вот это да! Не тормознул – сникерснул!

Не помню, класть сюда лавровый лист или не класть! Быть или не быть – вот в чем вопрос!

Вот мы и приехали! Именинника в студию!

Нередко случается, что говорящие применяют уже услышанные или прочитанные где-либо людизмы, просто забывая, что эти примеры уже были использованы до них (телевидение, Интернет, газеты, журналы). Но, как показал анализ, большей частью примеры являются оригинальными, а не заимствованными из каких-либо источников и по случаю воспроизведенными.

Можно выделить следующие приёмы образования ИС в процессе живого общения:

1) пародирование какого-либо акцента, аканья или оканья: Паайдем, паасмотрим эта кино Да я совсем вспотею от токой беготни Сущай, дарагая, бери агурчик, сафсем дешево отдаю;

2) перестановка звуков местами, добавление лишних, замена одного звука другим: Её положили в нервологию. Ты выпил свое моколо? Застегни свою рубакшу. Вот мой велисопед; Опять это злобное насекомое –

ведьмедка; Она совсем сляпая стала; Подождите, они уже бегут; Всё купила, осталась только шляпля; Вот как он выдряссировал её! А, вот где книжа! Полей тепилицу; -Протри скорей ранку репекисью! -Какой такой репекисью? -Водорода! Репекисью водорода;

3) переворачивание слов «наизнанку»: Смотри, акабос бежит (собака); Да, я уже сделал эту акитаметамку (математику);

4) смешение русского языка с каким-либо другим (английским, немецким, кабардинским, балкарским) как на уровне морфологии, так и синтаксиса: Давай проведем рублификейшен, избавим всех от знаков капитализма! Всё, я иду спать в кроватым. Всем приветым (русские слова с кабардинскими постфиксами); Подожди, тохтановись! («тохта» (балкарский язык) – стой + «остановись») Жемапель («меня зовут» - французский язык) Асланды (балкарский язык). Асланды Хасанович; А это такие люди, к которым надо обращаться только на «вы» («вы» (кабардинский язык) – бык,буйвол);

5) намеренное искажение ударения: А вот, кстати, наши коты-обормоты! Не проходили мы психологии в школе, не знаю, как там это будет поФрейду! Да что там Большой андронный коллайдер! Вот мы как запустим свой реактор! А давайте я вам чаю сейчас налью;

6) создание новых словоформ путем добавления различных морфем; создание слов из словосочетаний: Всё, не хочу мандарины. У меня уже витаминцетоз! (от «витамин С») Это ты всё съел? Всё уплёл?! Вот уплётчик! Опять отлетела эта клёпка на чайнике (кнопка, которую приклепали) Ворона испугалась и улетела. Какая испугливая! А вот и наша пяткосверкательница;

7) смешение паронимов, омонимов, омофонов, созвучных слов: Этот кот здесь питается. По крайней мере, пытается. - Слушай, дай мне вилку, пожалуйста! - Не могу. - Почему? - Потому что вилка давно в розетке. -А это вот богатеи местные. Нувориши! - Эт точно, ну воришки! -Она у нас гуманоид. - Почему? - Очень добрая, как это – гуманная!

8) обыгрывание многозначных слов: -Не идет еще автобус? -Нет, не идет, у него, кажется, ревматизм. - Эта газета стала цветная. - Скоро и наша местная расцветет. - А мне одеяло не положено? Никто не положил, вот и не положено. - Это кресло очень удобное, ты можешь на него откинуться. - Нет, спасибо, я как-нибудь в другой раз откинусь. - Скажите, у вас есть синенькие? - Нет, только фиолетовенькие. Да не бойся ты эту гранату. Она же ручная! Я подвела глаза, а они подвели меня.

3.3. Сходство и различия функционирования игры слов в разговорном, художественном и публицистическом стилях

Прежде, чем перейти к более подробному рассмотрению этого феномена и анализа в текстах функциональных стилей, нужно уделить внимание на разъяснение что такое стиль, стилистика и её виды которые функционируют в различных сферах общественной деятельности.

Существует достаточно много определений понятия стиль и мы рассмотрим некоторые из этих определений которые выдвигают лингвисты и языковеды:

Стили – это своеобразные регистры языка, позволяющие переключать его с одной тональности на другую. Стиль языка – совокупность языковых средств и приемов, употребляемых в зависимости от цели и содержания высказывания с учетом обстановки, где происходит высказывание. Если сопоставить эти определения, то можно выделить наиболее общие положения: стиль (от греч. Stylus означает – стержень для письма на восковых дощечках) – это разновидность литературного языка, которая функционирует (действует) в определённой сфере общественной деятельности, для чего использует определённые для данного стиля особенности построения текста и языковые средства выражения его содержания. Иными словами, стили - это основные наиболее крупные речевые разновидности. Стиль реализуется в текстах. Определить стиль и его особенности можно, проанализировав некий ряд текстов и найдя в них общие черты.

В языкознании существуют более подробные определения данного термина:

- Стиль – разновидность языка, закрепленная в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, грамматикой, фонетикой.

- Стиль – общепринятая манера, обычный способ исполнения какого-либо конкретного типа речевых актов: ораторская речь, статья в газете, научная лекция, судебная речь, бытовой диалог.

- Стиль – индивидуальная манера, способ, которым исполнен данный речевой акт или литературно-художественное произведение.

Стилистика — филологическая дисциплина, раздел языкознания, изучающая неодинаковые для разных условий языкового общения принципы выбора и способы организации языковых единиц в единое смысловое и композиционное целое (текст), а также определяемые различиями в этих принципах и способах разновидности употребления языка (стили) и их систему.

Стилистика — учение о средствах языковой выразительности и условиях их использования в речи — и культура речи.

Функциональная стилистика – одно из направлений стилистики, изучающее закономерности функционирования языка в различных сферах речевого общения, соответствующих тем или иным разновидностям деятельности и представляющих прежде всего функциональные стили, а также их более частные разновидности, специфику, речевую системность, стилевые нормы этих разновидностей речи.

Функциональные стили – это разновидности книжного языка, свойственные различным сферам человеческой деятельности и обладающие определенным своеобразием в использовании языковых средств, отбор которых происходит в зависимости от целей и задач, ставящихся и решаемых в процессе общения.

Под функциональными стилями понимают исторически сложившиеся и социально закреплённые системы речевых средств, используемых в той или иной сфере общения или сфере профессиональной деятельности.

В соответствии со сферами общественной деятельности в современном языке выделяют следующие функциональные стили:

1. Научный.
2. Официально – деловой.
3. Газетно – публицистический.
4. Художественный
5. Разговорный.

Каждый функциональный стиль речи имеет свои типичные черты, свой круг лексики и синтаксических структур, которые и реализуются в той или иной степени в каждом жанре данного стиля.

Функциональные стили речи реализуются в различных жанрах:

1. Научный: учебники по специальности, монография, научная статья, аннотация, реферат, конспект, тезисы, курсовая работа, лекция, дипломная работа.
2. Официально-деловой: документы, деловые письма, отчеты, приказы, распоряжения, договоры, указы, деловые беседы.
3. Публицистический: парламентское выступление, репортажи, интервью, очерк, фельетон, дискуссионное выступление, информационная заметка.
4. Художественный: роман, повесть, рассказ, новелла, эссе, стихотворение, поэма, баллада.
5. Разговорный: беседы в семье, выяснение отношений, обсуждение планов, дружеское общение, анекдот.

Каждый из пяти стилей имеет ряд специфических речевых характеристик:

В сфере научной деятельности (при написании научных статей, курсовых и дипломных работ, монографий и диссертаций) принято использовать научный стиль, главными свойствами которого являются четкость и логичность изложения, а также отсутствие выражения эмоций.

Официально-деловой стиль служит для передачи информации в сфере управления. Официально-деловой стиль используется в заявлениях,

доверенностях, деловых письмах, приказах и законах. Для него даже в большей степени, чем для научного стиля, важны четкость и не эмоциональность изложения. Еще одно важное свойство официально-делового стиля – стандартность. Люди, составляющие заявления, приказы или законы, обязаны следовать традиции и писать так, как писали до них, так, как это принято.

Еще один книжный стиль литературного языка – публицистический. Он используется в тех случаях, когда необходимо не просто передать информацию, но и определенным образом воздействовать на мысли или чувства людей, заинтересовать их или в чем-либо убедить. Публицистический стиль – это стиль информационных или аналитических передач по телевидению и радио, стиль газет, стиль выступлений на собраниях. В отличие от научного и официально-делового для публицистического стиля характерны выразительность и эмоциональность.

Всем книжным стилям противопоставлен, как было сказано выше, разговорный стиль. Это стиль, который используется при неофициальном бытовом, повседневном общении между людьми в заранее не подготовленной устной речи. Поэтому его характерные черты – это неполнота выражения и эмоциональность.

Особым образом соотносится со всеми перечисленными стилями стиль художественной литературы. Поскольку литература отражает все сферы жизни человека, она может использовать средства любых стилей литературного языка, а при необходимости не только их, но и диалекты, жаргоны и просторечие. Основная функция языка художественной литературы – эстетическая.

Главной чертой стилистики художественной речи становится поиск специфики художественного текста, творческое самовыражение художника слова.

Рассмотрев теоретическую часть можно перейти к практической части в котором будем рассматривать и анализировать функциональные стили в разных текстах.

Традиционными сферами использования игры слов являются художественная, публичная и разговорная речь. Игра слов абсолютно неуместен в таких замкнутых официально-деловых и научных жанрах, как протокол, постановление, заявление, нормативный правовой документ и т.п., но проникает в менее строгие и замкнутые стили, подстилы и жанровые формы, в том числе в инскрипт. Например: *Победителю ученику от побежденного учителя.* (В.А. Жуковский - А.С. Пушкину), публицистическое эссе: *Язык народа, бесспорно, главнейший и неисчерпаемый **родник** или **рудник** наш, сокровищница нашего языка.* [В.И. Даль].

Как мы уже сказали, мы пойдем традиционным методом и начнем разбор с художественного стиля.

Художественный стиль речи – это стиль художественной литературы, выполняющий образно-познавательную и эстетическую функции [Ефимов 1952, 1961].

Художественной литературе свойственно образное представление жизни, в отличие от объективного отражения действительности в научной речи.

В художественном произведении автор передаёт свой личный опыт, свое мироощущение и мировоззрение.

В художественном литературе мы решили обратиться к направлению постмодерна так, как ему присущи пародийность, ироничность, игровой стиль. Под игрой нередко маскируется нечто важное, но не выраженное явно и открыто – автор хочет, чтобы мы сами нашли истину, разгадав его замысел. Постмодернизм придает всему некий игровой контекст, вся жизнь становится

лишь игровым действием. При этом грань между реальностью и искусством стирается, становится зыбкой и расплывчатой.

Говоря о произведениях современного периода, нельзя не отметить, что в них игра слов начала применяться гораздо интенсивнее, чем в произведениях XX века, что говорит о демократизации языка.

Игра слов – несомненный атрибут всеобщей демократизации, либерализации и даже некоторой профанации речи, её освобождения от строгих запретов как цензуры, так порой и, собственно, логики. Немаловажную роль в приобретении каламбура особой функциональной активности сыграл постмодернизм, который привел к не ограниченной практически ничем свободе творчества, позволяя смешивать понятия высокого и низкого, прекрасного и безобразного, что обусловило появление странных и привлекающих внимание образований, в том числе и языковых.

Игра делает текст ярким и запоминающимся, а слова – немного «нездешним», введенными извне. Всё сказанное в полной мере можно отнести к произведениям таких писателей, как В. Пелевин, А. и Б. Стругацкие, А. Левин, Д. Пригов, Вен. Ерофеев, Т. Толстая, В. Сорокин и др.

Так, для примера мы возьмём некоторые произведения из творчества Татьяны Толстой. Для нее характерно необычное использование языка, нарушающее существующие нормы и стереотипы (например: *«Складские работники накладывают тулумбасов по шее [Толстая 2007: 14], В этот день всем бабам почет и уважение как есть они Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая всех уважать [там же: 111]»*). Игры со словом многочисленны в её произведениях (аллитерация, ассонанс, различного рода повторы). Отметим самые яркие примеры игры слов в романе Т. Толстой. Это, по-нашему мнению, авторские неологизмы, созданные по оригинальному образцу с помощью соединения нескольких лексических единиц, основ, морфологических формантов:

Клеи [Толстая 2007: 5] (причудливое соединение клена и ели, возможное только после атомного взрыва. Причём, хотелось бы отметить особую иронию, с которой Т.Толстая говорит о здоровом и могучем духе этого дерева!);

хлебда [там же: 14](лепёшка, полученная из сорных трав, буквально -«хлеб из лебеды»);

червырь [там же: 19] (надо полагать, некое подобие современных червей, однако, обладающее съедобной ценностью);

грибыш [там же: 41] (как выглядят подобные грибы — трудно представить. Но уже само название подсказывает, что не совсем так, как бы нам хотелось);

козолуп [там же: 65] (возможно, здесь действительно есть связь со словом «козёл», но от этого данное образование не теряет своей необычности и неожиданности); *кочевряжка подкаменная* [там же: 11]; *самделишные* [там же: 13]; *тютюхнулся* [там же: 14]; *расти учнет* [там же: 15]; *упёхтается до бесчувствия* [там же: 16]; *вышло по-еёному* [там же: 21]; *уполовник* [там же:32], *опадыши чащобные* [там же: 74] и т.д.

Интересными являются и случаи использования так называемых «псевдодиалектизмов» (*михрютка, подъелдыкивать, рассуполнишь, засвербят*). Автор заставляет нас поверить в то, что это действительно диалектные слова, но вряд ли мы найдём их в словарях, скорее, это пародия. Нельзя не отметить и неологизмы, которые лишены первичной смысловой основы, т.е. созданы не по образцу, а вызваны к жизни воображением автора:

кысь [Толстая 2007: 13] (жуткое слово, пронизывающее весь роман. Оно вызывает мистический ужас, сосредотачивая в себе всё отрицательное, против чего восстаёт Т. Толстая. Слово ассоциируется с воем ветра, с воем голодных волков, со смертью, от него веет могильным холодом);

боботюкалки[там же: 65] (слово производит эффект сюсюкания, преуменьшения, на самом деле благодаря ему описывается отношение

главного героя к тому, что он видит – его подавляет красота люстр, и подобным образом автор передаёт его умиление, которое вообще свойственно героям романа, живущим как будто в «тридевятом царстве» по законам не то доброй, не то совсем недоброй сказки);

кукумаколки и курдалясины [там же: 65] (удивляет то, с какой лёгкостью –словесной лёгкостью – автор создаёт подобного рода образования. В слове нет ничего надуманного, оно естественным образом вплетено в структуру романа и усиливает его характернейшие черты – абсурдность и нереальность).

Посредством игры слов автор высмеивает все отрицательное, она служит ярким средством выражения авторской иронии и сарказма.

В стихах современного поэта Я. А. Козловского каламбур занимает особое место – она является основным приёмом его творчества и служит важным средством передачи дополнительных указательных смыслов:

Нёс медведь, шагая **к рынку**,
На продажу мёду **крынку**.
Вдруг на мишку – вот **напасть** –
Осы вздумали **напасть!**
Мишка с армией **осиной**
Дрался вырванной **осиной**.
Мог ли в ярость он не **впасть**,
Если осы лезли **в пасть**,
Жалили куда **попало**,
Им за это и **попало**.

Здесь видим, как обыгрываются и по-разному звучащие слова, и слова, пишущиеся одинаково, но имеющие разные значения.

Пожалуй, самыми известными произведениями, основанными на каламбуре, являются стихи знаменитого сатирика XIX века, Дмитрия Дмитриевича Минаева. Вот некоторые из них:

Область рифм – моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.
«В Финляндии»

С нею я дошёл до сада
И прошла моя досада,
И теперь я весь алею,
Вспомнив тёмную аллею.

Ценят золото по весу,
А по шалостям – повесу.

Парик на лысину надев,
Не уповаю я на дев.
И ничего не жду от дам,
Хоть жизнь подчас за них отдам.

Женихи, носов не весьте,
Приходя к своей невесте.
Черты прекрасные, молю я,
Изобрази мне их, малюя.
И я написанный постелью
Портрет повешу над постелью.

В этих коротких зарисовках мы наблюдаем использование разных по написанию, но одинаково звучащих слов. Осознающий эту разницу читатель по-доброму улыбнётся этим строкам.

Замысловатый каламбур обнаруживаем в эпиграмме на Б. Л. Пастернака, имевшей хождение в советское время:

Хоть ваш словарь **невыносимо нов,**
Властитель дум **не вы, но Симонов.**

Вот как обыгрывает созвучия слов В. В. Маяковский в поэме «Октябрь»:

Радость прёт!
Не для вас
уделить ли нам?
Жизнь прекрасна
и
удивительна.
Лет **до ста**
расти
нам
без старости.

Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте
МОЛОТ
и СТИХ
землю **молодости.**

Игра слов в произведениях художественной литературы несёт на себе заряд шуточной и ироничной интенции, ярко характеризует персонажей,

показывает подлинное отношение авторов к тому, о чем они говорят, усиливает прагматический потенциал текста. Кроме того, это средство имплицитной передачи мысли. Именно поэтому ею так охотно пользуются писатели разных жанров.

Если в художественном стиле и тем более в научном на употребление игры слов накладываются определенные ограничения, то в публицистическом их практически нет. Публицистический стиль – это функциональный стиль статей, очерков, репортажей, интервью, ораторской речи, стиль газет, различных журналов, а также телевидения и некоторых Интернет-сайтов, носящих информационно-просветительский характер.

Игра слов – это излюбленный приём данного стиля, особенно часто ее используют в заголовках. Цель словесной игры здесь – привлечение внимания слушающего и читающего.

Например, с помощью омонимов, паронимов и других лингвистических (фонетических, графических, лексических, стилистических) средств создаются каламбуры и остроты, значительно повышающие выразительность текста:

Спасите ваши уши! [«Караван», сентябрь 2010].

Президент Америки просто ОБАМлел [«Аргументы и факты», апрель 2010].

Живите Как Хотите. Цены на газ снова поднялись [«Аргументы и факты», январь 2011].

Иванов зашел в райотдел, но тут же понял: нет, это не рай... [«Аргументы и факты», октябрь 2012].

Ребенок – чудо или чудовище? [«Жизнь», февраль 2010].

Гонор без гонорара [«Жизнь», январь 2011].

Лягу на топЧАН [о Джеке Чане, «Жизнь», сентябрь 2010].

Новый ВИТОк отношений [о Дени Де Вито, «Жизнь», июнь 2010].

Любовный ПАРКур [об А. Курниковой, «Жизнь», май 2009].

И не БИБИкай [о Джастине Бибере, «COOL», сентябрь 2012].

Чулпан или пропал [о Чулпан Хаматовой, «Жизнь», октябрь 2012].

ЛЕПСота! [о Г. Лепсе, «Караван», август 2010].

ПозвАЛЛА за собой [об А. Пугачевой, «Жизнь», сентябрь 2011].

Как видно из приведенных примеров, нередко для ИС используются и омофоны, причем, могут сочетаться не только созвучные русские слова, но также и русские слова с иностранными, произношение которых совпадает.

Наличие столь большого количества примеров ИС в СМИ объясняется, в первую очередь, стремлением к экспрессии речи. На наш взгляд, это также можно объяснить всеобщей демократизацией общества и, соответственно, речи. Самое главное для автора публицистического дискурса – это обратить внимание читателя. ИС, как ни один другой лингвистический приём, способствует этому. Примененные в заголовке, каламбуры, игры слов привлекают внимание читателя и могут гарантировать то, что воспринимающий субъект заинтересуется содержанием данных работ.

В разговорно-бытовом стиле речи с помощью ИС говорящий чаще всего показывает, что у него веселый настрой, что он хочет развеселить своего собеседника, показать, насколько хорошо владеет языком, или же активизировать его мыслительную деятельность.

Заметить использование собеседником ИС – не так просто, как может показаться на первый взгляд (например, знаменитый пример Грайса «I have sinned»). Данная фраза фонетически перекликается с предложением «I have Sind», то есть, «Я согрешил» – в первом случае и «Я завоевал город Синд» во втором [Грайс 1985: 217-237]. Только после вдумчивого прочтения и обстоятельного анализа до конца становится понятен смысл, скрытый в первом случае. Тем более сложно образовать коммуникативные единицы, подходящие под определение ИС, изобрести некие выразительные, лаконичные, яркие формы, в которых воплотилась бы интенция автора, какой

бы она ни была.

Можно выделить следующие приёмы образования ИС в процессе живого общения:

1) пародирование какого-либо акцента, аканья или оканья:

Пааидем, паасмотрим эта кино

Да я совсем вспотею от токой беготни

Сущай, дарагая, бери агурчик, сафсем дешево отдаю;

2) перестановка звуков местами, добавление лишних, замена одного звука другим:

Её положили в нервологию.

Ты выпил свое моколо?

Застегни свою рубахшу.

Вот мой велисопед;

Опять это злобное насекомое – ведьмедка;

Она совсем сляпая стала;

Подождите, они уже бягут;

Всё купила, осталась только шляпля;

Вот как он выдряссировал её!

А, вот где книжа!

Полей тепилицу;

-Протри скорей ранку репекисью!

-Какой такой репекисью?

-Водорода! Репекисью водорода;

3) переворачивание слов «наизнанку»:

Смотри, акабос бежит (собака);

Да, я уже сделал эту акитаметамку (математику);

4) смешение русского языка с каким-либо другим (английским, немецким, кабардинским, балкарским) как на уровне морфологии, так и синтаксиса:

Давай проведем рублификейшен, избавим всех от знаков капитализма!

Всё, я иду спатым в кровати. Всем приветым (русские слова с кабардинскими постфиксами);

5) смешение паронимов, омонимов, омофонов, созвучных слов:

Этот кот здесь питається. По крайней мере, пытається.

- Слушай, дай мне вилку, пожалуйста!

- Не могу.

- Почему?

- Потому что вилка давно в розетке.

-А это вот богатеи местные. Нувориши!

- Эт точно, ну воришки!

-Она у нас гуманоид.

- Почему?

- Очень добрая, как это – гуманная!

б) обыгрывание многозначных слов:

-Не идет еще автобус?

-Нет, не идет, у него, кажется, ревматизм.

- Эта газета стала цветная.

- Скоро и наша местная расцветет.

7) обыгрывание ФЕ, пословиц, устойчивых сочетаний и канцеляризмов:

Мне сделали выговор с занесением в грудную клетку.

На вкус и цвет все фломастеры разные.

Что посеешь, на том и спать потом всю ночь будешь.

Каждому овощу свой фрукт.

Каждый кулик...лучше, чем журавль в небе.

Одна голова хорошо, а две – это уже герб;

Как видно из примеров, ИС как художественный приём, вносящий оживление и разнообразие, нередко используется в разговорной речи, несмотря даже на спонтанный характер подобного общения и недостаток времени для обдумывания фраз. Главная функция ИС здесь – это развлечение, снижение серьёзности и установление более тесных межличностных отношений, их укрепление: «Вообще словесная игра знаменует собой состояние душевной раскрепощённости, отрыва от приземленной реальности» [Норман 2006: 250]. Словесная игра является важным элементом текста, т.к. позволяет лучше передать авторский замысел и тем самым раскрывает прагматическое значение всего высказывания.

Выводы по 3 главе

В современном языке выявляют пять функциональных стилей: книжные (письменные – научный, официально-деловой, художественный, публицистический), некнижные (неписьменный – разговорный).

Функциональные стили – поле функционирования языковой игры. В этом плане каждый функциональный стиль характеризуется своими особенностями, которые имеют сходства и различия с особенностями других функциональных стилей.

В разговорном, художественном и публицистическом стилях, которые являются проницаемыми, использование языковой игры не имеет жестких ограничений, так как тексты в целом, и их фрагменты не могут полноценно быть привлекательными, эстетически воздействующими, если в них отсутствуют языковые игры, как средства привлечения внимания слушателя, читателя и воздействия на них.

Языковая игра придает контексту эмоциональность, экспрессию, образность, двусмысленность, звуковую и смысловую неординарность, нестандартность, что является основной разновидностью художественного и публицистического стилей в отличие от научного и официально-делового стилей.

Языковая игра как общезыковое явление, сама по себе не имеет тех или иных ограничений. Ограничения или невозможность использования, например, образной, звуковой или смысловой языковой игры, в том или ином функциональном стиле создаются (формируются) лингвистическими и экстралингвистическими факторами каждого функционального стиля в отдельности. Это обстоятельство и является основой функционирования или нефункционирования образцов языковой игры в функциональном стиле в целом или в конкретном его подстиле, в частности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИС – это сложное и многоаспектное явление. ИС, несомненно, связана с культурой, социальными явлениями. Язык и культура тесно переплетены между собой, и любое значимое для социума событие находит свое отражение в языке, реализуясь, помимо прочего, и в ИС. Лингвокультурный фактор, таким образом, – это мощный механизм образования ИС.

В русском языкознании традиционно выделяют такие разновидности языковой игры как: ирония, парадокс, абсурд, каламбур. Они основываются на эффекте обманутого ожидания и образуются путем нарушения языковых норм.

Игра в художественном тексте имеет большое значение, она гораздо более продумана, чем в публицистическом тексте. Если для публицистического стиля ИС прежде всего является средством привлечения внимания, то для художественного – средством обогащения речи, развития лингвистического чутья, особым видом языкового украшения. Однако хочется отметить, что и в том и в другом случае ИС – важный элемент текста, т.к. она способна влиять как на прагматику, так и на семантику не только отдельного высказывания, но и текста в целом.

Разговорный стиль речи не отличается высокой частотностью употребления ИС, т.к. разговор – живое, непринужденное общение, для него чужды длительные раздумья, общающимся важна последовательность разговора, которая может прерваться при длительном отсутствии реакции. Разговор – это общение в данный момент времени, именно этот фактор и накладывает ограничение на использование ИС. Коммуникантам в разговоре важнее содержательная сторона сообщения, формальная оболочка уходит на второй план по причине недостатка времени для ее оформления. ИС в текстах разговорно-бытового стиля – это удачная импровизация, экспромт. Иногда в разговорном стиле отмечаются весьма оригинальные случаи языковой эксцентрики. В основном же ИС здесь представляет собой

лишь звуковое (фонетическое) коверканье, которое призвано привлечь внимание к человеку, создающему текст, а также развлечь окружающих.

Языковая игра в художественном стиле проявляется ярче, глубже, нередко несет в себе своеобразное символическое значение. Функционирование языковой игры в разговорно-бытовом стиле от художественного отличается тем, что, языковое общение осуществляется в потоке спонтанной устной речи, то есть, нет времени на обдумывание, тогда как в художественном стиле есть время на обдумывание, на создание специально подготовленной языковой игры.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции. – М.: Наука, 2000. – С.71.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.89.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. –М.: Комкнига, 2007. –576 с
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. – Минск: Современный литератор, 2006. – С.31.
5. Большой энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с
6. Бредихин С.Н. «Языковая игра» как лингвистический феномен (на материале философских текстов М.Хайдеггера). Дисс...канд.филологических наук. – Нальчик: КБГУ, 2003 – С.17.
7. Бредихин С.Н. «Языковая игра» как лингвистический феномен (на материале философских текстов М.Хайдеггера). Дисс...канд.филологических наук. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 147 с.
8. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики / В. В.Виноградов. – М.: Высш. шк., 1981. – 320 с.
9. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
10. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976, 516 с.
11. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. 616 с.
12. Витгенштейн Л. Философские исследования// Философские работы. Ч.1 – М.: Гнозис, 2004. – С.79.
13. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. 612 с.

14. Вольская Н.Н. Языковая игра в автобиографической прозе Цветаевой//Русская речь. – 2006. – № 4. – С.30.
15. Вольская Н.Н. Языковая игра в автобиографической прозе Цветаевой//Русская речь.2006.№4. с.30–33.
16. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. педагог. ун-та, 1996. – С.25.
17. Джамунов 1997, с.14
18. Добрицына 2004 [URL:http://fege.narod.ru/librarium/dobricina/dobricina3.htm](http://fege.narod.ru/librarium/dobricina/dobricina3.htm)
19. Зеленин А.В. Деабревиация в русском языке //Вопросы языкознания.2005.№1.– с.78–98.
20. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1993. – С.176.
21. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1983, С. 172 – 214.
22. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / Ильясова С.В., Амири Л.П. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012 – 296 с.
23. История философии. Энциклопедия. Под ред. А.А. Грицанова. – Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом. 2002. – 1376с.
24. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2011, 696 с.
25. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. Учебник. М.: Флинта: Наука, 2008, 464 с.
26. Лисоченко О.В., Лисоченко Л.В. Языковая игра на газетной полосе: Эстетика и поэтика языкового творчества. – Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического института, 2000. –С.42.

27. Морозов В.Э. Ради красного словца// Русская речь.2006.№6. с.51–53.
28. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – М.: Флинта 2006. – С.44.
29. Русский язык конца XX столетия. – М.: Наука, 2006. – С.91.
30. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.52.
31. Социологический энциклопедический словарь.
Редакторкоординатор академик РАН Г.В. Осипов. - М.: Изд-во НОРМА-ИНФРА М, 2000. -с.91
32. Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Наука, Флинта, 2006. – С.657.
33. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. –М.: Азъ, 1998. – 928с.
34. Толстая 2007: 5
35. Хализев URL:[http:// lib.rus.ec/b/213084/read](http://lib.rus.ec/b/213084/read)
36. Хёйзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерландск. /Общ. ред. и послесловие Г.М. Таврезян. –М.: Изд.группа Прогресс–Академия, 1992. –464 с.
37. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – С.241.
38. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008.– 414 с
39. «Аргументы и факты», апрель 2010
40. «Караван», сентябрь 2010
41. «Аргументы и факты», январь 2011
42. «Аргументы и факты», октябрь 2012